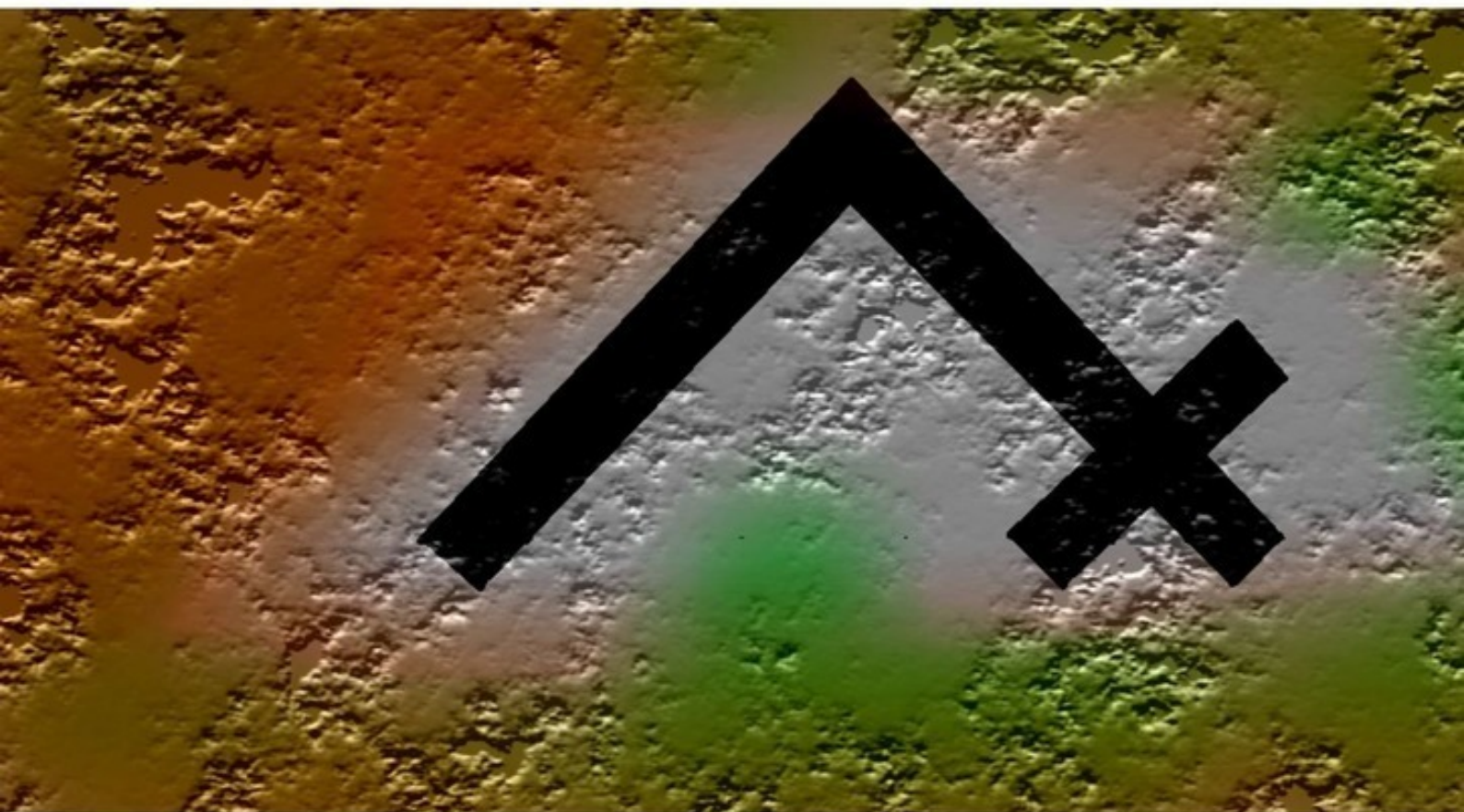

Гайк Октемберян

ВОЙНА С НИЧТО

эта война начинается в детстве
и продолжается всю жизнь

Гайк Октемберян

**Война с НИЧТО. Эта
война начинается в детстве
и продолжается всю жизнь**

«Издательские решения»

Октемберян Г.

Война с НИЧТО. Эта война начинается в детстве и продолжается всю жизнь / Г. Октемберян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939392-0

В Таро есть карта «Глупец» или «Дурак». Это неистребимый архетип. И книга эта о том, что какую войну ведут всю свою жизнь настоящие глупцы.

ISBN 978-5-44-939392-0

© Октемберян Г.
© Издательские решения

Содержание

В о й н а с Н И Ч Т О	6
часть первая Н А Ч А Л О	7
Часть вторая А Р М И Я	23
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Война с НИЧТО
Эта война начинается в детстве
и продолжается всю жизнь

Гайк Октемберян

© Гайк Октемберян, 2018

ISBN 978-5-4493-9392-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В о й н а с Н И Ч Т О

Эта жестокая война против фальшивого, бездуховного и **ПРАВИЛЬНОГО** мира начинается уже в детстве, и продолжается она всю жизнь. И на этой войне как на войне. И если в мирное время происходит такое, то чего же следует ждать в военное?

«Кто смеет думать не о том, что говорят уста, Моя душа клянёт того, как адские врата!»

Александр Поп

Я встретил осень, не прожив весны. Все закрома до времени полны. И, обессилев, облетел как сад, Где не расцвет я видел, а распад. И не рассвет сиял мне, а закат. Я был бы рад не знать того, что знаю. «горькие воды»

часть первая Н А Ч А Л О

Ход **ОТРАЖЕНИЙ** из чрева, из глубокой тьмы, **ВЫТЯНУЛ** на лицо земли и бросил в **КРУГОВОРОТ** мира ещё одного человека – **НИКТО**. В самом начале **ОН** был слишком мал, слаб и беспомощен, чтобы **ОТРАЖАТЬ** то зло, которое само же и будет **УЧИТЬ ЕГО** этому, крепко удерживая его как намеченную жертву в его суровой школе, в которой мать **УЧЕНИЯ** – это **ПОВТОРЕНИЕ**. В самом начале **ОН ЗАПОЛНИЛ** какую-то **ПУСТОТУ** слезами плача, и древним криком новорождённого заявил о своём вступлении в ту войну, которая будет длиною в жизнь. **НИКТО** рос. Когда **ОН** уже мог самостоятельно выходить из дома, то время от времени расслабленное умиление от **ОКРУЖАВШЕЙ** красоты интересного **ЕМУ** мира, **ОТРАЖАВШЕГОСЯ** в **ЗЕРКАЛАХ ЕГО** глаз, исчезало от чего-то **НЕПОНЯТНОГО**, чего-то враждебного, как нарушавшего что-то и затрагивавшего **ЕГО** самого каким-то распадом, как бросавшего какую-то тень, шагавшую в **НЕГО**, которая омрачала **ЕГО** душу. Ему было **НЕПОНЯТНО**: зачем было нужно отрывать ноги и головы жукам и смотреть затем как мучаются их тела? Зачем было нужно обрывать крылья бабочкам и смотреть затем на то, как они после того, что с ними **СДЕЛАЛИ**, беспомощно трепетали? Ему было **НЕПОНЯТНО** и то, что как со всё больше возраставшим воодушевлением некоторые из детишек начинали гоняться за кошками, собаками с дикими криками, бросая в них камни. Хорошими **МИШЕНЬЯМИ** для таких детишек в неглубоких и больших лужах, остававшихся после шедших друг за другом дождей, становились лягушки. Крики радости вырывались у этих детишек, когда брошенные ими камни точно попадали в цель, когда лягушки всплывали брюшками вверх. Во всём этом было что-то другое, какое-то наглое **ПРАВИЛО**, по которому что-то одно может идти вразрез со всем остальным. Какое-то первобытное чувство заползло в душу **НИКТО**, когда слабость одних так и **ТЯНУЛА** из других **ПОКАЗАТЬ** это **ПРАВИЛО**. И чем больше была намеченная жертва, тем больше радости доставляли её муки, тем большее самодовольство мучителей превращалось как в какой-то непробиваемый щит. Однажды **СКУЧИВШИЕСЯ** детишки с радостным волнением загнали одну крупную собаку в угол между стеной и балконом пятиэтажного дома за стоявшую в этом углу скамью и стали забрасывать её камнями. Собака тщетно пыталась защититься за скамьёй от летевших в неё камней. Она вертелась в этом углу как в заколдованном **КРУГЕ**. Её жалобные визги от боли и страха заглушались взрывами радостных криков, когда очередной камень попадал в эту живую **МИШЕНЬ**. Вид беспомощной дрожащей собаки просто пьянил детишек, взявших этот угол в **ПОЛУКРУГ**, и так и **ТЯНУЛ** бросать ещё и ещё, точнее и точнее. **НИКТО** стоял рядом с этим местом. **ЕМУ** тогда ещё не было и пяти лет. И **ОН** не знал, что **ЕМУ ДЕЛАТЬ**, как это остановить. В отчаянии та бедная собака взяла и бросилась в ту сторону, откуда в неё летели камни. И детишки тут сами как какой-то трусливой сворой собак разбежались в разные стороны от неё. **НИКТО** увидел как открылся страх **ОТДЕЛЬНО** каждого перед этой собакой. Открылся страх, скрытый в **КУЧЕ**.

НИКТО жил на **ПЕРВОМ** этаже пятиэтажного дома в квартире номер **ДВА**, которая находилась на одном из **ДВУХ** углов у проходившей мимо него дороги. За дорогой от этого дома находилось школьное футбольное поле, на котором трава росла только по его краям. Её больше было у **ВТОРЫХ** футбольных ворот. За этим почти лишённым травы полем находилась сама школа. Однажды **НИКТО** играл вместе с **КУЧКОЙ** детей, которые жили в этом же доме, на этом поле, на той его длинной стороне, которая прилегала к дороге. Там местами пучками росла трава и цвели одуванчики. Длинной стороны этого поля хватало на ещё одно пятиэтажное здание, которое находилось от него через дорогу. Со стороны этого дома на этой же стороне футбольного поля **ПОКАЗАЛАСЬ** другая **КУЧКА** детей. От этой **КУЧКИ ОТДЕЛИЛСЯ** один мальчик, который был выше всех остальных на полголовы. Он как нацелился

на НИКТО. Он подозвал ЕГО к себе. И он стал задавать вопросы, которыми как создавал такую **ПУСТОТУ**, которую нужно было **ЗАПОЛНЯТЬ** ответами. Это был отработанный и опробованный во множестве **ПОВТОРЕНИЙ** набор **ЗАТЯГИВАВШИХ** и опутывавших вопросов. Эти вопросы стали переходить в ругательства. НИКТО не знал как защититься от **ЗАТЯГИВАВШЕЙ** власти нарушавших что-то вопросов. В **НЁМ** что-то противилось и не соглашалось с происходившим. Но опасения что-то ещё самому нарушить мешали **ЕМУ** даже сдвинуться с места и помогали расти **ЕГО** растерянности и страху, в котором **ОН** всё больше и больше увязал. НИКТО стоял с жутким ощущением покинутости и **ПУСТОТЫ** под ногами и отвечал на вопросы. Но что-то в нём то набегало, то отступало. А тот продолжал задавать свои вопросы завораживающе и властно, не спуская глаз со своей жертвы, холодно и насмешливо наблюдая за её смятением, колебанием, отступлением. При этом он с каким-то удовольствием как отмечал сам себе то, что какой же он сам весь такой **ПРАВИЛЬНЫЙ**. Его самодовольство служило ему как непробиваемым щитом. От собственной наглости он чувствовал себя каким-то неуязвимым. НИКТО же стал замечать, что ему приходилось соглашаться с происходившим каким-то чужим и безжизненным голосом. -Нет, – всё же посмел сказать НИКТО хоть и не очень-то решительно. -Что-о?! Как «нет»?! – тот хищно встrepенулся и угрожающе подался вперёд, и глаза его при этом недобро блеснули. -Да, – отступил НИКТО, подчинившись какому-то **НЕПОНЯТНОМУ** **ЕМУ ПРАВИЛУ** своим ответом ещё раз, потом ещё раз. А те трое детишек, которые играли вместе с НИКТО, молча простояли всё это время рядом так, как будто и им что-то мешало сдвинуться с места. Когда тот довольный собой ушёл, они оживились, **ОКРУЖИЛИ** НИКТО и, утешая **ЕГО**, подняли осуждавший ропот против ушедшего, **ПОВТОРЯЯ**: «Какой он плохой!! Какой он хулиган!! НИКТО сошёл с места, чтобы уйти оттуда и поскорее скрыться дома. **ОН** пошёл домой с горевшими щеками и сам себе был отвратителен за проявленную слабость. Когда он **ОТЪЕДИНИЛСЯ**, подробности произошедшего были ещё свежи, что только помогало им **ПОВТОРЯТЬСЯ** в памяти, помогало несколько раз пережить дома то, что раз пришлось пережить снаружи. НИКТО переживал и переживал произошедшее, собираясь с тем, чтобы не допустить **ПОВТОРЕНИЯ** подобного. Через несколько дней НИКТО один уже находился у того же края футбольного поля. **ОН** сидел на корточках и возился с гладкими камушками. Вдруг совсем рядом от **НЕГО** ударились в землю и отскочили **ДВА** камня один за другим. Когда НИКТО повернул голову в ту сторону, откуда кем-то были брошены эти **ДВА** камня, то увидел одного мальчика, чем-то возмущённого и чем-то недовольного, быстрыми шагами направлявшегося в его сторону. Он шёл со стороны той **ВТОРОЙ** пятиэтажки. И он на **ЦЕЛЮЮ** голову уступал ему в росте. -Уходи отсюда!! – потребовал тот, едва не сбив от набранной им скорости выпрямившегося перед ним во весь свой рост НИКТО. -Сам уходи! -,Уходи“ тебе говорят! -Сам уходи! -,Уходи“ тебе говорят! -Почему это я должен уйти?! -Это наше поле! -Почему ваше? -Вот наш дом! – и тот **ПОКАЗАЛ** на пятиэтажный дом, который стоял от них намного **ДАЛЬШЕ** того, через дорогу от которого они находились. -А вот наш дом! – заявил НИКТО и указал на тот, рядом с которым они находились. -Всё равно уходи! – продолжал добиваться своего тот. -Сам уходи! -Уходи! – потребовал тот и толкнул рукой. НИКТО совсем недавно пришлось пройти через такое пекло чувств, что **ОН** не собирался уступать в происходившем, которое чем-то уже стало напоминать **ЕМУ** о том, что случилось с **НИМ**. И тем более, обида, сжигавшая **ЕГО**, ещё не успела остыть. -Сам уходи! – ответил **ОН** и оттолкнул того от себя **ДВУМЯ** руками. А тот взял и ударил НИКТО по щеке. От удара её как обожгло. Злость так разгорелась в НИКТО, что **ОН** стал бить кулаками того наглеца. И тот убежал. А НИКТО почувствовал какое-то освобождение и прилив жизни. Радуюсь своей победе, **ОН** снова присел на том же месте и вернулся к прерванному занятию. Но кроме чувства освобождения присутствовало ощущение какой-то **ЛЁГКОСТИ**, которое, вообще-то, предвещает что-то недоброе. Что-то **НЕПОНЯТНОЕ** было и в столь поспешном бегстве того наглеца. Когда НИКТО через несколько минут опять увидел того и ещё четве-

рых, направлявшихся прямо к НЕМУ, ЕГО сердце учащённо забилося, и в мышцах затаилась противная дрожь. Стало ясно, что тот побежал звать **КУЧУ** себе на помощь. В этой **КУЧЕ** один был на голову выше остальных и года на **ДВА** старше их. **НИКТО** уже стоял, когда те приблизились. Колени мелко дрожали. Какая-то слабость охватила их. Но **НИКТО** не собирался убегать и не собирался **ПОКАЗЫВАТЬ**, что испугался **КУЧИ**. **ЕГО ОКРУЖИЛИ**. Самый высокий из **КУЧИ** встал перед **НИКТО**. И тот, кто позвал **КУЧУ**, встал рядом с тем перед **НИКТО**. И тот, кто возвышался над остальными, был из себя весь такой **ПРАВИЛЬНЫЙ**. Он стал задавать вопросы. В его голосе не было враждебности, а было какое-то вежливое ожидание. -Где ты живёшь? -Вот здесь, – ответил **НИКТО** и поднял руку в направлении своего дома. -Зачем ты его побил? -Он **ПЕРВЫЙ** начал! Бросал камни и прогонял меня. -Так и было, как он говорит? – обратился спрашивавший к стоявшему рядом с ним. А тот как-то потупился и со взглядом, направленным куда-то в невидимую точку, с живостью проговорил. -Я шёл... А он взял и напал на меня и побил. Тут **НИКТО** обернулся на удар кулаком ЕМУ в спину, но те трое, что находились у НЕГО за спиной, стояли как ни в чём не бывало. А тот, кто был на голову выше, развернул ЕГО к себе очередным вопросом так, словно он **НИЧЕГО** не заметил. -А он говорит, что это ты взял и напал на него и побил. -Он врёт! Он **ПЕРВЫЙ** начал... Тут снова **НИКТО** получил удар в спину, и опять опасения что-то самому нарушить, если броситься не на того, кто именно это **СДЕЛАЛ**, помешали ЕМУ сойти с этого места. -Что он начал?... – спросил на голову возвышавшийся из **КУЧИ** и опять как будто **НИЧЕГО** не заметивший, но как будто стремившийся во всём как следует разобраться. -Камни бросать и... На этот раз **НИКТО** заметил пнувшего ЕГО сзади и, бросившись за ним, остановился, потому что тот уже успел далеко отбежать, а ЕМУ пришлось развернуться назад на очередной удар в спину. И этот, нанёсший предательский удар сзади, сразу же отбежал. Ещё один удар, который был намного сильнее прежних, заставил развернуться **НИКТО** назад. Тут **ОН** оказался лицом к лицу с тем, кто как будто собирался во всём разобраться, от кого тут же получил увесистый шлепок по лицу вместе с угрожающим предупреждением. -Ещё раз попробуешь его тронуть – как собаку побыю! Понял?! -Понял... – проговорил **НИКТО** убитым голосом, отвечая тому, кто смотрел на НЕГО холодно и торжествующе. ЕГО как **ПРОУЧИЛИ**. И **КУЧА** довольная этим ушла. Так **НИКТО** получил **ПЕРВЫЙ** урок того, что с места драки при любом её исходе нужно скорее уходить, что не следует оставаться и как **ПОКАЗЫВАТЬ** себя победителем. Опять с горевшими щеками **ОН** сошёл с места, на котором был оставлен **ПРАВИЛЬНЫМИ**, и поспешил поскорее скрыться дома. Что-то **НЕПОНЯТНОЕ** опять одержало над ним верх. **СКУЧИВШИЕСЯ** становились для НЕГО олицетворением враждебности. Опять **ОТЪЕДИНИВШИЕСЯ** дома, **ОН** стал просматривать и просматривать то, что с **НИМ ПОВТОРИЛОСЬ**, снова и снова переживая произошедшее. **НИЧЕГО** как не мешало подобным случаям продолжаться **ДАЛЬШЕ**. В том, что **ПОВТОРЯЛОСЬ** раз за разом, всё только отчётливее вырисовывалось то, в чём старались поупражняться **ПРАВИЛЬНЫЕ**, и всё яснее становилось, что что-то **НЕПОНЯТНОЕ** должно сразу настораживать, что всё **НЕПОНЯТНОЕ** лжёт. Но какие-то опасения самому что-то нарушить как **СВЯЗЫВАЛИ** **НИКТО** и продолжали подводить ЕГО, помогали как обезоруживать ЕГО и помогать ЕМУ раз за разом попадать на какую-нибудь нечистоплотную уловку. Но это всё только помогало ЕМУ накапливать жестокий опыт в этой войне. И чем больше он становился, тем больше **НИКТО** дома начинал себя казнить. Когда **ОН**, как утрачивал весомость того, что хранила ЕГО память, и в очередной раз позволял себе поверить в то, что ЕГО обидчики решили всё-таки как пойти на примирение, которое как не могло обойтись без **ЗАТЯГИВАНИЯ** в разговор с неизбежными при этом вопросами, и без того, чтобы ЕГО **ОКРУЖАЛИ**, **НИКТО** снова получал жестокий урок. Когда ЕМУ приходилось вспоминать о том, как начинали обрушиваться на НЕГО предательские удары после того, как позволил себе поверить в благие намерения своих обидчиков, **ОН** чувствовал, как ЕГО лицо начинало пылать, а сердце безудержно колотиться о рёбра. **ОН**

злил на самого себя за то, что дал себя **СВЯЗАТЬ** и опутать паутиной вопросов и **СДЕЛАТЬ** себя **МИШЕНЬЮ**. **НИКТО** с каждым разом всё больше начинал верить своему опыту, своей памяти, чтобы какие-то неистребимые опасения самому что-то нарушить **НЕ СДЕЛАЛИ** бы **ЕГО** в очередной раз уязвимым для предательских ударов. Эти опасения продолжали **ЕГО** подводить, но **ПЕРВЫЙ** же предательский удар как встряхивал **ЕГО** память, и **ОН** уже бросался в сторону из **КРУГА** и сразу срывал с земли камни. Когда **ЕМУ** в одиночку приходилось как-то справиться с **КУЧЕЙ** обидчиков, только камни помогали **ЕМУ**. После того, как **ОН** уже сорвал с лица земли несколько камней, чтобы всем хватило, уже напрасными становились попытки **ЕГО** обезоружить. И **ДЕЛАЛИСЬ** эти попытки так, словно **ОН** шёл уже против каких-то **ПРАВИЛ**. „Брось камни! – говорили **ЕМУ**. – В камне есть кровь!!“ **НИКТО** ни одного камня не собирался ронять на землю, а изо всех сил начинал бросать их в тех, кто, в конце концов, начинал понимать, что им лучше заткнуться и самим спастись бегством. Когда отец **НИКТО**, издали замечал уже **ОКРУЖЁННОГО** сына, кричал **ЕМУ**: « Не стой!!! Не разговаривай!! Бей!!! Не бойся!» Несколько раз голос отца помогал **ЕМУ** разорвать **КРУГ** до начала предательских ударов. Мать решила отдать **НИКТО** и **ЕГО** сестру, она была младше **ЕГО** на три года, в детский сад, чтобы ей самой можно было устроиться на работу. Она завела **ЕГО** в большую комнату с **КУЧЕЙ** незнакомых **ЕМУ** детей и, улыбаясь, оставила **ЕГО** и ушла, скрывшись в дверном проёме. **НИКТО** остался стоять как с прилипшими к полу подошвами со знакомым ощущением покинутости и какого-то предательства, продолжая смотреть в тёмный дверной проём. В ту же минуту на **ЕГО** глазах выступили слёзы. И **ОН** опять не мог сдвинуться с места и опять не знал, что **ЕМУ** **ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ**. Какая-то женщина, то ли воспитательница, то ли нянечка, взяла **ЕГО** за руку, повела за собой и посадила за столик. Как раз наступило время завтрака, когда **НИКТО** оказался в детском саду. А **ЕМУ** **НИЧЕГО** не хотелось есть. После завтрака кто был пошустрее, тот и расхватал самые лучшие игрушки. **НИКТО** не стал играть с неинтересными и со сломанными игрушками. Он опять не знал: куда себя деть. **ЕМУ** было **НЕПОНЯТНО**: почему **ОН** не мог оставаться дома? Почему **ОН** оказался **ОТДЕЛЬНО** от своих игрушек? И спать **ЕМУ** не хотелось, когда **ЕМУ** **ПОКАЗАЛИ** кровать. **ЕМУ** пришлось просто лежать в наступившей тишине. Вдруг **ЕМУ** в голову пришла мысль о том, что можно попроситься уйти из детского сада у сидевшей на стуле другой какой-то женщины. Приподнявшись, **ОН** спросил с кровати: -Можно: я домой пойду? -Нет. Ты потеряешься? -Я знаю дорогу. -Нет. Нельзя, – сказала эта женщина уже так, как отрезала. Ответить ей как-то иначе, вероятно, мешали какие-то **ПРАВИЛА**. Уронив голову на подушку, **НИКТО** печальными глазами стал смотреть на плакавшее дождём окно. Вечером после четвёртого дня, проведённого в детском саду, **ОН** решил, что с **НЕГО** этого хватит. В матери тоже было что-то **НЕПОНЯТНОЕ**, и поэтому **НИКТО** обратился к отцу: -Я больше не пойду в детский сад! -Не хочешь – не иди. Но такой ответ не давал **НИКТО** уверенности в том, что **ОН** и в самом **ДЕЛЕ** может больше не ходить в детский сад. И ответа отца было как маловато для такой уверенности. У матери же был такой щит, что ей не стоило даже пытаться сказать о своём решении. И **НИКТО** поздним вечером тайно взял запасной ключ от двери их квартиры. Отец в ту, следующую, неделю работал на заводе во **ВТОРУЮ** смену, и он должен был утром отвести детей в детский сад. Он и разбудил **НИКТО** и **ЕГО** **ДВУХЛЕТНЮЮ** сестру наступившим утром. И для **НИКТО** получалось так, что отец всё равно собирался отвести **ЕГО** в детский сад, несмотря на то, что сказал накануне вечером. **НИКТО** оделся и положил в карман ключ, чтобы потом, когда убежит, мог попасть домой. По дороге в детский сад **НИКТО** стал напряжённо думать о том, что когда и где **ЕМУ** будет лучше всего убежать. Так **ОН** с отцом и с маленькой сестрой дошли уже до самой ограды детского сада. В надежде на то, что **ЕГО** маленькую сестру отец не оставит, что вместе с ней он **ЕГО** не сможет догнать, что она послужит как каким-то препятствием для отца, **НИКТО** взял и выбежал вперед как будто ко двери в ограде, но тут же резко бросился бежать вправо через дорогу и по другой её стороне изо всех сил побежал домой,

не обращая внимания на слова, с которыми отец обращался к НЕМУ. Прибежав к двери, ОН сумел **ДОТЯНУТЬСЯ** до замочной скважины и вставить в неё ключ, но повернуть его не смог. ЕМУ для этого не хватало роста. Пришлось принести три кирпича к двери, сложить их друг на друга, чтобы встать на них и повернуть ключ. Оказавшись дома, НИКТО притащил стул, встал на него и **ЗАКРУТИЛ** задвижку накладного замка. Хоть ОН и знал, что если так закрыть дверь, то снаружи ключом уже не получится открыть замок, но всё равно боялся, что этого будет мало. Дверь открывалась вовнутрь, и НИКТО решил её забаррикадировать. Надёжнее всего было придвинуть стол, **СДЕЛАННЫЙ** из большого листа прессованных древесных опилок и четырёх ножек из строенных стальных прутьев. Каким-то неожиданно тяжёлым оказался этот стол для НИКТО. Его даже с места сдвинуть не получалось. НИКТО даже залез под стол, чтобы, оперевшись в него верхней частью спины с одного его края, попробовать оторвать от пола **ДВЕ** его ножки и попробовать проташить его по полу на **ДВУХ** других. Но со столом у НЕГО так **НИЧЕГО** и не получилось. Тогда НИКТО стал таскать к двери стулья. Ещё ОН принёс **ДВЕ** тяжёлые ватные подушки. Потом принёс ещё **ДВЕ** пуховые подушки. Когда отец вернулся назад, то не смог ключом открыть дверь. -Сынок, открой! -Нет! Не открою! -Открой. -Нет!! Я не пойду больше в детский сад! -Я сказал воспитательнице о том, что ты не хочешь туда ходить. Она сказала, что если он не хочет, то пусть не ходит. -Я не верю! Я не пойду в детский сад! -Не хочешь – не иди. И та женщина тоже сказала, что если не хочешь ходить, то можешь не ходить. Открой. -Нет!! -Я тебя больше туда не отведу. -Ты меня обманываешь! -Нет, сынок. Я тебя не обманываю. Я тебя больше туда не отведу. **ДВОЙСТВЕННОЕ** чувство продолжало мучить НИКТО. ОН боялся обмана и не хотел держать отца перед запертой дверью. ОН любил отца, и это **ПЕРЕТЯНУЛО**. И ОН стал оттаскивать от двери всё, что к ней принёс. Потом встал на оставшийся у неё стул и **ОТКРУТИЛ** задвижку замка назад. Когда дверь открылась, и отец зашёл в дом, сердце НИКТО сжалось так, как будто ОН выпустил раз проведённого ИМ джинна, против которого уже **НИЧЕГО** не сможет **СДЕЛАТЬ**. Но отец не обманул ЕГО. И НИКТО мог уже **ЦЕЛЫМИ** днями находиться дома, выходить из него и возвращаться тогда, когда ЕМУ было нужно. Кто-то высыпал на ближайшем углу футбольного поля **КУЧУ** опилок вместе с гладкими обрезками твёрдых дощечек. НИКТО и ещё одного мальчика, ЕГО ровесника, жившего в том же доме, что и ОН, привлекла **эта КУЧА** чистых приятно пахнувших опилок. Когда они **ВДВОЁМ** возились с этой **КУЧЕЙ**, к ним подошёл ещё один, живший в другом доме. Он на три – четыре года был старше их. И он взял **ДВЕ** горсти опилок из **КУЧИ** и стал стружкой, как **РАСТЯГИВАЯ** удовольствие, высыпать их на голову именно НИКТО. И лицо у него даже поплыло от такого удовольствия. А отец НИКТО сидел неподалёку и, незаметно и быстро подкравшись, поймал того, у кого лицо сразу исказилось и передёрнулось от страха, кто успел отбежать лишь на несколько шагов, кто пытался вырваться и убежать. Отец НИКТО силой приволок того, **ПРИТЯНУЛ** к **КУЧЕ**, вжал того в НЕЁ головой и стал горстями брать опилки и втирать тому в голову так, словно собирался искупать того в древесных опилках. Тот при этом кричал как резанный. Его крики заглушались руганью отца. На дороге у того угла футбольного поля собралась **КУЧА** детей и взрослых, в которой все стали переговариваться между собой, осуждая отца НИКТО. И дети **ВТОРИЛИ** взрослым. Отец НИКТО словно выглядел для них каким-то чудовищем. НИКТО от всего этого побежал домой. Через несколько дней после этого НИКТО играл с одним мальчиком, тоже своим ровесником, прямо перед окнами той квартиры на **ПЕРВОМ** этаже, в которой жил. **ДВОЕ** других, их ровесников, которые жили на четвёртом и пятом этажах и поднимались к себе через третий подъезд, ни с того ни с сего стали бросаться камнями, когда пробежали мимо них. Именно НИКТО оказался для них как самой подходящей живой **МИШЕНЬЮ**. ОН даже не успел сам схватить подходящий камень, когда один из брошенных в него камней попал ЕМУ в голову у правого виска. И вся правая ЕГО щека вскоре обильно залилась кровью. ЕГО отец опять стал ругаться перед опять собравшейся **КУЧЕЙ** из взрослых и детей. Но на этот раз не было слышно голосов

осуждения в этой **КУЧЕ**. Крови было так много, что никто не смог открыть свой рот. Каким-то **ПРАВИЛОМ** начинало выглядеть то зло, которое устойчиво **ПОВТОРЯЛОСЬ** против НИКТО. ОН отличался от **ОКРУЖАВШЕГО ЕГО** большинства. ОН был светлее.

Когда НИКТО пошёл в школу, где **ПОВТОРЕНИЕ**, конечно же, было матерью **УЧЕНИЯ**, всё ещё только больше усложнилось. Ходил ОН не в ту школу, что находилась рядом, а в ту, что находилась **ДАЛЬШЕ**. И в той школе часть классов **ОБУЧАЛАСЬ** на другом языке, на языке огромной страны. **ОБУЧАЯСЬ** на этом языке можно было надеяться на то, что затем будет **ЛЕГЧЕ УЧИТЬСЯ ДАЛЬШЕ**. Поэтому в классе, где оказался НИКТО, светлых было меньше, чем местных. **ПРАВИЛЬНЫЕ** родители старались, чтобы их дети **УЧИЛИСЬ** в таком классе и **ПРАВИЛЬНО** отвечали на вопросы **УЧИТЕЛЬНИЦЫ**, старались, чтобы эта **УЧИТЕЛЬНИЦА** их детям **УДЕЛЯЛА** больше внимания и **ДЕЛАЛА** их **КРУГЛЫМИ** отличниками. «**УЧИСЬ** – человеком будешь!» – говорили они своим детям. И **ПРАВИЛЬНО** они это говорили, точнее, **ПОВТОРЯЛИ**? Конечно же, **ПРАВИЛЬНО! УЧИСЬ** – человеком будешь! **УЧИСЬ**, чтобы не остаться в дураках! **УЧИСЬ**, чтобы лучше и в **ПОЛНОЙ** мере затем понять, что как будут затем раз за разом оставлять в дураках. Из-за всё тех же опасений что-то самому нарушить НИКТО старался **УЧИТЬСЯ**. В **ПЕРВОМ** классе из всех цифр ЕГО внимание больше остальных к себе, почему-то, **ПРИТЯГИВАЛ НОЛЬ**. Что-то **НЕПОНЯТНОЕ** было в этом **ПУСТОМ КРУЖЁЧКЕ**. Цветы и подарки были как обязательными для **УЧИТЕЛЬНИЦЫ** и на праздники, и в день её рождения, о котором всем родителям детишек из этого класса должно было быть обязательно известно. В обычные дни **ПРАВИЛЬНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЕ** некоторые из родителей **ОТДЕЛЬНО** друг от друга носили копчённые колбасы **СВЯЗКАМИ**, а конфеты – кулками, и всё согласно по тому же какому-то негласному **ПРАВИЛУ**. Одна из родительниц не имела достаточных материальных возможностей, и она просто заходила к этой **УЧИТЕЛЬНИЦЕ** и занималась уборкой **ЕЁ** квартиры. Не столько напряжёнными были проводимые **УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ** занятия, сколько перемены между ними. Только через много лет НИКТО стал понимать, что за одним злом может скрываться большее зло, что одно как заслоняет собой другое, что из-за этого очень многие могут выглядеть лучше своих обидчиков. И светлая часть класса выглядела какой-то безобидной. И из-за того множества, которое постоянно стремилось её подавлять, она была заражена какой-то боязливостью. Заразительным и каким-то липким был их страх. Многие из них стали бояться выходить во время перемены из класса. А **ПРАВИЛЬНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА**, которая словно могла чуть ли не всю оставшуюся жизнь испортить и перечеркнуть своими замечаниями, записанными в дневник, «**ДВОЙКАМИ**», угрозами вызвать родителей в школу и оставить **УЧИТЬСЯ** на **ВТОРОЙ** год, старалась обязательно выгонять всех из класса в коридор, чтобы помещение проветривалось, чтобы **ЕЙ** было **ЛЕГЧЕ** дышать во время очередного урока. Неужели **ОНА** не понимала того, что почему же как попавшие к **НЕЙ** в зависимость детишки старались не выходить из класса? **ОНА** всё прекрасно понимала. **ЕЙ** не нужно было что-то **ДЕЛАТЬ** против той силы, которой пользовалась сама. Тот полусветлый класс, в котором **УЧИЛСЯ НИКТО**, оказался как между **ДВУХ** огней. А НИКТО на переменах, несмотря на заразительный страх ЕГО одноклассников, несмотря на то, что ЕМУ опять и опять пришлось бы испытывать мучительное ожидание **ПОВТОРЕНИЯ** драки на следующей перемене или после уроков, когда ЕГО одного возле школы уже будет ждать **ЦЕЛАЯ КУЧА**, бил в ответ. Каждый раз после произошедшего на перемене ОН чувствовал какой-то ослаблявший ЕГО холодок в животе и как сжимавший ЕГО желудок. И в ногах у НЕГО появлялась противная мелкая дрожь. На последнем уроке пульс становился учащённым. А от прозвеневшего последнего звонка сердце начинало гулко биться о рёбра. ОН старался как можно скорее выбраться из школы, чтобы избежать **ПОВТОРЕНИЯ**. Если же последний урок **ЗАТЯГИВАЛСЯ УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ**, то это давало время собраться той **КУЧЕ**, которая будет ЕГО поджидать. В таком случае НИКТО старался выбраться из школы

с другой стороны, через дверь в буфете. На полпути к школе приходилось переходить через железные дороги. Выбравшись из школы, НИКТО часто спешил к этим железным дорогам, к бесконечному множеству гранитных камней, насыпанному под ними, потому что там ОН мог справиться с ЦЕЛОЙ КУЧЕЙ, потому что ЕМУ удавалось уворачиваться от летевших в НЕГО камней и мало промахиваться самому. Однажды то, как НИКТО с ДВУМЯ ЕГО одноклассниками, с которыми стал ходить из школы домой, и КУЧА из их же одноклассников после уроков на железных дорогах стали бросаться друг в друга камнями, заметила ЗАВУЧ. На следующий день ОНА ДЕЛАЛА КРУГЛЫЕ глаза и УЧИЛА драчунов, которых вывела и поставила у доски перед всем классом, что на свете нет такой вещи, о которой нельзя договориться, что если всё обсудить, то спор можно разрешить словами, а не кулаками и, тем более, не огромными камнями. Камни, и в самом ДЕЛЕ, были не маленькими, потому что все старались хватать камни покрупнее. Но такими крупными и тяжёлыми камнями трудно было в кого-то попасть. Их трудно было даже до кого-то добросить. Такими камнями бросались совсем недолго. НИКТО стоял и слушал всё то, что ВПОЛНЕ выглядело ПРАВИЛЬНЫМ, что вызывало в НЁМ горечь и усмешку. ОН больше верил своей памяти. В то время дом как давал НИКТО какую-то опору в ходе той войны, которой не видно было конца, и, довольно-таки, чувствительный удар был нанесён как раз по нему и не откуда-то со стороны, а как-то по-предательски и как-то неожиданно со стороны ЕГО матери. Может, всё это произошло оттого, что она принадлежала ко ВТОРОЙ половине человечества? Или потому, что всё же очень многие предпочитают быть ПРАВИЛЬНЫМИ и ДЕЛАТЬ жизнь для себя ЛЁГКОЙ согласно торжествующим ПРАВИЛАМ? Школа помогла ей расширить свой КРУГ общения. Через некоторых родителей она только ещё больше расширила этот КРУГ. Сама УЧИТЕЛЬНИЦА стала её подругой. Тщеславная и зависливая она ЛЕГКО УЧИЛАСЬ, стараясь ПОВТОРЯТЬ за другими, стараясь не отставать и ТЯНУТЬСЯ за ЛЁГКОЙ жизнью. И, конечно же, она всё больше и больше начинала наглеть и ПОКАЗЫВАТЬ себя ПРАВИЛЬНОЙ. Щит её самодовольства становился всё более непробиваемым. Она стала покупать и покупать себе разные наряды, стала приходиться домой пьяной. И деньги стала тратить так много, что часто становилось НЕПОНЯТНЫМ то, что на что же они в таком количестве уходили. Она стала залезать в долги. Она как упражнялась в какой-то наглой правоте, как нисколько не собираясь считаться с тем, что как и чем оборачивалось для кого-то из её семьи. И с этим как НИЧЕГО нельзя было СДЕЛАТЬ. Власти как будто ВТОРИЛИ ей. Закон мог быть только ПРАВИЛЬНЫМ, а не каким-то другим. И он таким и был. И она стала позволять себе разные нечистоплотные уловки, стала устраивать сцены, стала грозить разводом и даже самоубийством тому, кто ей мог помешать что-то СДЕЛАТЬ. Она же сама звонила НОЛЬ-ДВА. Ей же было у кого УЧИТЬСЯ тому, как и чем запугивать мужа.

НИКТО ЦЕЛИКОМ и ПОЛНОСТЬЮ был на стороне своего отца. Без НЕГО отец выглядел бы как совершенно одиноким в таком противостоянии. Всё яснее становилось, что ему не избежать развода. Суд РАЗДЕЛИЛ детей. И ДАЛЬШЕ продолжать жить с такой женщиной в одной квартире становилось небезопасным. Она продолжала свои попытки посадить уже бывшего мужа. После развода ей даже стало ЛЕГЧЕ это СДЕЛАТЬ. РАЗДЕЛ имущества, заработанного в основном не её трудом, ПОКАЗАЛ всю её мелочность. И, в основном, почти всё ей и осталось. ДВУХКОМНАТНУЮ квартиру разменяли на однокомнатную и деньги. Отец собрался взять деньги, забрать детей и уехать ПОДАЛЬШЕ от того места, где стал нести потери за потерями. Бывшая жена с ЛЁГКОСТЬЮ отдала ему дочь после того, как всеми силами старалась до суда оставить по закону её за собой. Она приложила ОПРЕДЕЛЁННЫЕ усилия, чтобы дочь даже не присутствовала на суде. Ей очень не хотелось платить алименты.

Но в тех далёких краях многое только больше обещало продолжение тех потерь, которые понесли, и отцу с ДВУМЯ детьми опять пришлось отступать. Он вернулся с ними обратно в дом к своему самому младшему брату, у которого недели ДВЕ пожили после утра-

ченной квартиры номер **ДВА**. Отца **НИКТО** стали одолевать сомнения: не поспешил ли он возвратиться. Он во **ВТОРОЙ** раз за то лето он поехал с детьми туда, откуда решил вернуться. И опять какой-то холод почувствовал там. Там в школе, где пришлось бы продолжать **УЧИТЬСЯ НИКТО**, с каким-то **НЕПОНЯТНЫМ** сопротивлением взяли **ЕГО** документы, объясняя это тем, что **ОН** – «не их уроженец». Может, эта школа оказалась чересчур **ПРАВИЛЬНОЙ**? Или там боялись испортить какие-то **ПОКАЗАТЕЛИ**? К началу осени отец с детьми вернулся обратно. Получалось так, что он как переоценил свои силы в противостоянии **ПРАВИЛЬНОМУ** миру. Оказалось, что его тётка, с виду тоже вся такая **ПРАВИЛЬНАЯ**, залезла в их вещи и вытащила его плащ, чтобы, скорее всего, пропить, как нисколько не считаясь с тем, что в каком трудном положении оказался отец с **ДВУМЯ** детьми.

Они снова приютились у его младшего брата. Когда во **ВТОРОЙ** раз они вернулись, **НИКТО** почувствовал, что как в **НЕГО** стал пробираться страх с какой неведомой до тех пор силой. **ОН** почувствовал беспощадную жестокость **ОКРУЖАВШЕГО** их мира. Город, в котором они все родились, выглядел чужим, холодным, пугающе равнодушным. Они ему как будто были совсем не нужны. Как будто для них в нём не осталось места. Становилось страшновато до жути. Вскоре мать всё же решила забрать дочку к себе. Хорошо, что, спустя девять месяцев отцу удалось снова устроиться работать на том же заводе на том же самом месте. Ещё ему пообещали дать комнату в общежитии, которое должно было быть готово где-то через год. И война с **НИЧТОЖЕСТВАМИ**, которые всю жизнь мстят за свою **НИЧТОЖНОСТЬ**, только продолжалась **ДАЛЬШЕ**.

Это случилось, когда **НИКТО УЧИЛСЯ** уже в пятом классе. На перемене **ОН** стоял рядом с одноклассниками и одноклассницами у стены с большими окнами. Знакомая **КУЧКА** одного из параллельных классов стала **ДЕЛАТЬ** свой обычный обход, чтобы в очередной раз собирать дань страха. Совершавшие обход пускали в ход толчки, бросались бумажками, могли как-то обозвать и посвистеть кому-то в лицо, обзывали. Замеченное у кого-то малейшее проявление недовольства от происходившего или возмущение тут же в **ДВА** счёта выбивалось шлепками по лицу или ударами по груди или по животу. Полусветлый класс жался к стене и хранил молчание перед тем, что своим завораживающим действием как сливалось с **ПРАВИЛЬНОЙ** властью **УЧИТЕЛЕЙ**, против которой тоже лучше было молчать и не восставать. **УЧЕНИКИ** полусветлого класса жалась к стене и беспокоились о сохранности собственных шкур. Заразительный страх стал корёжить **ИХ**, передёргивая с ног до головы. **НИКТО** старался лишний раз не тратить свои силы в таком **ОКРУЖЕНИИ**. До наступления этого дня на **НЕГО** эта **КУЧКА** как-то не нацеливалась. Но **НИКТО** прекрасно понимал, что всё же настанет тот день, когда этой **КУЧКЕ** будет чего-то мало, и **ОНА** зайдёт слишком далеко. И на этот раз сама дрожь предчувствия стала говорить **ЕМУ** о том, что этот день уже настал. От ощущения неизбежности того, что должно произойти участилса пульс.

В спину кто-то так сильно толкнул, что всё равно, что ударил. **НИКТО** развернулся с лицом, вспыхнувшим от гнева.

– Ты чего толкаешься?!

– Э... Эй!... Ты кто такой?!

– Тот, кто спросил!

– Эй! Ты посмотри на него! Ты как разговариваешь?!

С этими словами ударивший в спину **ВЫТЯНУЛ** прямо в лицо **НИКТО** руку с чуть растопыренными пальцами.

– Убери руку!

– Я так буду разговаривать!

– Я тоже так буду разговаривать!

И **НИКТО** тоже **ВЫТЯНУЛ** свою руку тому в лицо, едва не касаясь его пальцами.

– Руку!

– Убери свою!

– Я так буду разговаривать! – заявил тот и чуть не ткнул пальцами в лицо НИКТО.

НИКТО же своей рукой отбил немного в сторону направленную ЕМУ в лицо руку. А тот, возвращая её, нанёс ЕМУ пощёчину. НИКТО ответил тому кулаком по лицу и **ДАЛЬШЕ** старался уже не отставать в числе ударов, которые посыпались на НЕГО со стороны этой **КУЧКИ**. Драка быстро, за минуту, как выпила силы с обеих сторон, как раз к тому времени, когда прозвенел звонок и как властно позвал всех разойтись по **УЧЕБНЫМ** классам. – Ну, погоди же! ... После уроков увидишь... – погрозил один из **КУЧКИ** удаляясь. «Подумаешь, новость... Это в **ПЕРВЫЙ** раз, что ли...» НИКТО и на этот раз собирался избежать **ПОВТОРЕНИЯ** драки, во время которого силы обещали быть ещё более неравными. Обращаться в постыдное трусливое бегство НИКТО, конечно же, не собирался. ОН собирался просто незаметно уйти из школы, просто стараясь избежать встречи с теми, чьё число намного могло быть превосходящим. Сразу же после звонка **КУЧА** могла не успеть собраться перед школой, и можно было избежать **ПОВТОРЕНИЯ** драки, если **УЧИТЕЛЬНИЦА** не станет задерживать. Но **ОНА** же была **ПРАВИЛЬНОЙ**. Можно было сбиться со счёта относительно того, что сколько раз **ОНА ПОВТОРЯЛА**: «Звонок – это не для вас. Он для меня. Пока я не скажу: „Урок закончен“, – вы должны оставаться на своих местах». А пока **ОНА** это скажет, уже может быть слишком поздно, и уже нужно будет искать другой выход из школы. Например, попробовать выйти через заднюю дверь буфета. Но **ПРАВИЛЬНЫЙ** директор, как назло, стал требовать, чтобы её закрывали, чтобы ни один **УЧЕНИК** не смог покинуть школу через другую дверь, чтобы все выходили через те двери, через которые входили в школу. Если пару раз удавалось избежать нежелательной встречи, то у собиравшихся в **КУЧИ** обычно остывало желание **ПОВТОРЯТЬ** драку. Если удавалось ускользнуть из школы, то уже нужно было как можно скорее добраться до железных дорог. Каждый раз для НИКТО вся та толща времени, которая **ОТДЕЛЯЛА ЕГО** от железных дорог, становилась как какой-то уплотнившейся преградой. До самих железных дорогах численность враждебной **КУЧИ** могла быстро вырасти. Много раз уже НИКТО приходилось спешить к железным дорогам вместе с одним светлым товарищем, с которым ЕМУ было по пути. – Сегодня после уроков будет субботник! Кого не будет – в понедельник с родителями в школу! – заявила классная руководительница так, как «растоптав надежды чахлый всход». Избежав встречи с **КУЧЕЙ** в субботу, можно было надеяться на то, что в понедельник желания **ПОВТОРЯТЬ** драку уже ни у кого не будет. С этим субботником все надежды на это как перечёркивались. – Опять субботник?! Сколько можно?! Уже в четвёртый раз подряд! – недовольно зашумели в классе.

– Не я же это решаю. Я и сама хотела сегодня пораньше уйти домой, – как бы **РАЗДЕЛЯЯ** недовольство класса, сказала **УЧИТЕЛЬНИЦА**. Когда началась очередная уборка пришкольной территории, НИКТО стал надеяться на то, что их класс закончит свою часть работы раньше других. Но эта надежда стала мучительно погибать. Полусветлый разобщённый класс, как разбавленный детишками **ПРАВИЛЬНЫХ** родителей, всё ещё продолжал уборку, когда неподалёку стала собираться **КУЧА**, которая не собиралась расходиться. Когда уборку закончили, НИКТО почувствовал как внутри у НЕГО похолодело. Сердце ЕГО тревожно забилося. **УЧИТЕЛЬНИЦА** оставила свой класс и направилась в школу. А класс стал разбирать сумки со сменной обувью и портфели, сложенные у школьной ограды. Тут на НИКТО и на ЕГО светлого товарища набросились шестеро. А их одноклассники и одноклассницы вели себя так, словно им не было и не могло быть никакого **ДЕЛА** до происшедшего. Отбиваясь от нападавших на дороге, НИКТО и ЕГО светлый товарищ старались оторваться в ту сторону, где находились железные дороги. А их одноклассники и одноклассницы с предательской безучастностью брели рядом с одной и с другой стороны от них какими-то овцами. Молчание ягнят было их **ПРАВИЛОМ**. Тут совершенно неожиданно появилась **УЧИТЕЛЬНИЦА**. **ОНА** налетела так, что разогнала **КУЧУ** в разные стороны, успев **ДВОИХ** схватить и надавать **ИМ** затрещин.

Но **НИЧЕГО** решающего для **НИКТО** в этом не было и не могло быть. По-прежнему им нужно было как можно скорее добраться до железных дорог. Не теряя времени, **ОН** с товарищем бросились бежать, опасаясь того, что та **КУЧА**, которая набросилась на них, уже через несколько минут может стать в **ДВА** раза больше. Не успела ещё закончиться школьная ограда, как бросившаяся враспынную от **УЧИТЕЛЬНИЦЫ КУЧА** собралась и снова набросилась на них. Опять **НИКТО** и **ЕГО** товарищ выронили свои сумки и портфели из рук себе под ноги, чтобы ответными ударами кулаков не дать сломить своё сопротивление. Опять их одноклассники и одноклассницы каким-то стадом шли мимо них. Тут снова налетела на эту **КУЧУ УЧИТЕЛЬНИЦА**. **ОНА** успела схватить одного из **НЕЁ** и как следует отлупить. Опять **НИКТО** и **ЕГО** товарищ бросились отрываться. **НИКТО** успел заметить, как **УЧИТЕЛЬНИЦА** что-то стала говорить обступившим **ЕЁ** их одноклассникам и одноклассницам, которых **ОНА**, по всей видимости, подозвала к себе. Когда они добрались до железных дорог, **НИКТО**, обернувшись назад, никого из преследовавших их не увидел. Никто из той преследовавшей их **КУЧИ** ещё **НЕ ПОКАЗАЛСЯ** из-за небольшого поворота дороги. «Бежим к автобусу! Может, успеем от них уехать!» – обратился **ОН** на бегу к своему товарищу. Они перебежали ту полосу земли, которая **ТЯНУЛАСЬ** вдоль железных дорог с другой стороны. На этой полосе вдоль шоссе росла трава и росли в один ряд деревья. Перебежав шоссе, они забежали через открытые задние двери в автобус, который стоял на конечной остановке и уже было начал трогаться с места. Когда **НИКТО** и **ЕГО** товарищ забежали в автобус, он не поехал. Скорее всего, водитель, заметив бегущих школьников, подумал, что в это время закончились какие-то занятия, и вот-вот должны ещё кто-то **ПОКАЗАТЬСЯ** из-за железных дорог, что ему лучше немного подождать и заработать немного больше монет. Прошло минуты **ДВЕ**, и автобус начал всё же трогаться с места, но тут же остановился. **НИКТО** посмотрел в окно, в сторону железных дорог, и увидел, как бежали к автобусу их враги. Они тоже ворвались в автобус через заднюю дверь. Восстанавливая дыхание после бега, они довольно заулыбались друг другу, уже предвкушая желаемую расправу. Их глаза уже блестели торжеством. **НИКТО** стал напряжённо думать о том, что где же, на какой остановке, им лучше сойти, чтобы не дать себя одолеть. Им **ВДВОЁМ** было не под силу побить шестерых, но можно было отбить у них желание в будущем их трогать. Автобус так медленно тронулся с места, как будто водитель продолжал мучиться сомнением: поехать ему или не поехать, и опять остановился. **НИКТО** опять посмотрел в сторону железных дорог и увидел то, чего никак не ожидал увидеть: через шоссе неслись их одноклассники и одноклассницы. Их было больше десятка. Они большой **КУЧЕЙ** забежали в автобус через заднюю дверь и встали рядом с той **КУЧЕЙ**. Наверное, водитель остался доволен тем, что так **ТЯНУЛ** с тем, чтобы поехать. Хулиганистый **ДВОЕЧНИК**, которому нужно было сходиться на той же остановке, что и **НИКТО**, как возглавлял ту большую **КУЧУ**, сама численность которой просто подавляла другую. Все в этой **КУЧЕ** были радостно возбуждены, многозначительно переглядывались и улыбались друг другу. А в той другой **КУЧЕ** все как-то неожиданно сникли, переменялись в лицах. Они побледнели и стали выглядеть какими-то жалкими. «Ребята, только не бойтесь! Ребята, только не бойтесь!» – стал **ПОВТОРЯТЬ** один из той **КУЧИ**, чтобы как-то поддержать и приободрить остальных при том, что его самого стала одолевая робость от того, что как с ними могла позволить себе поступить другая **КУЧА**. **НИКТО** почувствовал, как **ЕМУ** стало **ЛЕГЧЕ**. **ОН** сказал своему светлому товарищу, чтобы тот вышел на следующей остановке, на той, на которой ему и нужно было выходить. Его присутствие было уже необязательным. Было ясно, что **ДВЕ КУЧИ** будут выходить у кинотеатра, до которого нужно было проехать ещё четыре остановки. Когда **ДВЕ КУЧИ** вышли из автобуса, **ДВОЕЧНИК** повёл **ИХ** за собой к кинотеатру, к стоявшим там знакомым **ЕМУ** ребятам, которые на три-четыре года были старше подошедших и которые обрадовались той важной роли, которая им отводилась. Они стали задавать вопросы, чтобы во всём произошедшем как разобраться. Они не смогли удержаться от того, чтобы вслух не выразить своего удивления

тем, чего они никак не ожидали увидеть. Их сильно удивляло то, что в такой большой **КУЧЕ**, которая как встала на защиту **НИКТО**, оказалось так много девочек. Никого из той **КУЧИ** никто даже пальцем не тронул. В конце концов, всем всего навсего было предложено прекратить вражду и разойтись по домам. Как-то не так закончилось это «разбирательство». В понедельник вся та большая **КУЧА**, которая словно бросилась выручать **НИКТО** и **ЕГО** светлого товарища, **ПОЛУКРУГОМ** обступила **УЧИТЕЛЬНИЦУ**, которая сидела в классе за столом и с одобрительной улыбкой слушала всё то, о чём ей по очереди рассказывали, как о каком-то совершенном ими в субботу выдающемся подвиге. И в этой **КУЧЕ** не было ни **НИКТО**, ни **ЕГО** светлого товарища. Кто получил от **УЧИТЕЛЬНИЦЫ** как какое-то задание, те и стали рассказывать о том, как оно было **ВЫПОЛНЕНО**. **НИЧЕГО** подобного больше **НЕ ПОВТОРЯЛОСЬ**, потому что таких заданий никто больше не получал. **ДАЛЬШЕ** всё шло по-прежнему. **ВЫПОЛНЕНИЕ** таких заданий не закладывалось в школьную программу.

На следующий год, когда наступил один из тёплых весенних дней и закончились занятия в школе, **НИКТО** шёл домой и увидел, что одного из **ЕГО** одноклассников сильно стал бить по лицу один из тех, кто был на год старше их. **ОН** не смог пройти мимо, потому что **ОН** тем самым как уже оставлял себя соучастником происходившего. Чтобы остановить происходившее, **ОН** схватил руку, наносившую удары. И тем самым **ОН** уже своё лицо подставил под удары. А тот **ЕГО** одноклассник как сразу оказался в стороне и каким-то совершенно непричастным к тому, что стало происходить. Отвечая тем же намного превосходившему **ЕГО** по силе, **НИКТО** только ещё больше стал злить того, кто и на следующий день не мог успокоиться, не сломив **ЕГО** сопротивления. Тот прямо в школе, прямо в полусветлый класс на переменах стал заявляться. **НИКТО** пришлось в одиночку отбиваться прямо в классе. **ЕГО** мог поддержать только один **ЕГО** светлый товарищ, но тот болел, и его в школе не было. Все **ВОКРУГ** оставались каким-то безучастным молчаливым стадом. Никто из тех **УЧИТЕЛЕЙ**, которые пасли это стадо, об этом словно **НИЧЕГО** так и не узнал. **ОНИ ДЕЛАЛИ** вид, что **ИМ НИЧЕГО** не было известно о таких вещах, потому что это помогало **ИМ** оставаться безучастными. Тот приходил потом ещё и ещё. И тот **ЕГО** одноклассник, вместо которого **ОН** себя подставил под удары, продолжал оставаться как в стороне от происходившего. **НИКТО** не собирался сдаваться, и кость нижней **ЕГО** челюсти с левой стороны, по которой в основном и наносились удары, больше недели оставалась намного толще, чем с другой. Какое-то повреждение с правой стороны челюсти **ОН** получил, потому-что когда **ЕМУ** приходилось что-то разжёвывать, с этой стороны **ЕГО** челюсть с какими-то щелчками вставала на своё место.

Когда **НИКТО УЧИЛСЯ** уже в седьмом классе, когда утром **ОН** зашёл в школу и поднялся на третий этаж, и когда **ЕМУ** оставалось **СДЕЛАТЬ** шагов **ДВЕНАДЦАТЬ**, чтобы зайти в класс, **ДВОЕ** сидевших на диване позвали **ЕГО** к себе, обозвали и отослали прочь от себя. Когда эти **ДВОЕ** заметили, что это **ЕМУ** не понравилось, вскочили и начали **ЕГО** бить. Схватив одного левой рукой за грудь и перемещаясь **ВОКРУГ** него так, чтобы эти **ДВОЕ** оставались перед **НИМ** и начинали мешать друг другу, **НИКТО** успевал одним правым кулаком отвечать одному и **ВТОРОМУ**. Но **ОН**, всё равно, получал больше ударов, чем они, потому что этим **ДВОИМ** стали помогать ещё **ДВОЕ**, один постарше, а другой помладше. И эти **ДВОЕ** наносили, в основном, предательские удары сзади. Когда из разбитого носа **НИКТО** тёплыми струйками обильно побежала кровь, сбегая ко рту, заливая подбородок, крупными каплями падая на пол, державший **ЕГО** за одежду на груди разжал свою руку и стал пытаться как-то вырваться. Но **НИКТО** не собирался отпускать его. **ОН** стал вытирать кровь у себя на лице рукой, которой бил, и размазывать её по лицу того, кто пытался вырваться и освободиться от **ЕГО** хватки, которая стала какой-то мёртвой. **НИКТО** вытирал кровь у себя и размазывал её, вытирал и размазывал, вытирал и размазывал, ведь крови было много. У измазанного кровью всё не получалось вырваться, и трое других ему в этом не стали помогать. **НИКТО** сам отпустил того, кого держал. Чтобы скрыть измазанное кровью лицо, тот низко опустил голову

и поспешил поскорее уйти, чтобы смыть её. **ВТОРОЙ** пошёл с ним рядом, как прикрывая его сбоку. Когда они скрылись за углом длинного коридора, из-за него вдруг появился директор, который пристальным взглядом принялся просматривать всё то, что висело на стене. **НИКТО** находился у противоположной стены и сразу же отвернулся к окну, расположенному в этой стене.

Однажды в начале пятого **УЧЕБНОГО** года **НИКТО** сначала пришлось в одиночку отбиваться от восьмерых **НИЧТОЖЕСТВ** в галерее, которая проходила между **ДВУМЯ** корпусами школы, потом на **НЕГО** напало почти **ДВАДЦАТЬ НИЧТОЖЕСТВ** у школьной ограды. В такой большой **КУЧЕ** уже больше мешали друг другу бить **ЕГО** и наносить предательские удары. **НИКТО** не успевал отвечать всем, находившимся рядом. **ОН** повалил одного самого гадкого и вредного и принялся изо всех сил молотить того кулаками, не обращая внимания на град ударов, которым **ЕГО** осыпали сзади по спине и голове. **ЕМУ** хотелось только того, чтобы хоть один из **ДВАДЦАТИ** получил от **НЕГО** **СПОЛНА**. Верхняя губа **НИКТО** была разбита в кровь. Она настолько сильно распухла, что этого нельзя было не заметить. И директор школы заметил **ЕГО** разбитую и распухшую губу. Он отвёл **НИКТО** в медпункт, потом на следующий день вызвал в свой кабинет. Там оказались только **ДВОЕ** из тех, кто избивал **ЕГО** накануне. И это были не те, кто всё начал. И это были не те, кого следовало бы туда привести. В этом кабинете не хватило бы места для всех тех, кого следовало бы туда привести. Туда зашёл **ВТОРОЙ ЗАВУЧ** и после пары строгих вопросов, заданных с какой-то гладкой бесчувственностью, **ОН** предложил **ПРОТЯНУТЬ** друг к другу руки и пожать их в знак примирения. **НИКТО** и этих **ДВОИХ** привели туда словно для одного лишь этого. Даже заметно было, что никому не нужно было как следует разобраться в произошедшем. После полученной **КУЧИ** предательских ударов **НИКТО** пришлось стать ещё и соучастником того, что было организовано в этом кабинете. **ОН** даже не собирался **СДЕЛАТЬ** что-то, что только ещё больше стало бы задерживать **ЕГО** там. **ОН** молча пожал руки тем **ДВОИМ** для того, чтобы поскорее выйти оттуда. Где-то через месяц после этого **НИКТО** решил как следует ответить тому **ДВОЕЧНИКУ**, который постоянно к **НЕМУ** придирался, потому что само нежелание доводить всё до драки только помогало **ПОВТОРЯТЬСЯ** этим придирам до бесконечности. Как какая-то стена отчуждения выростала между теми, кто подрался друг с другом. **НИКТО** решил отгородиться такой стеной. **УЧИТЕЛЬНИЦА** истории увидела их, взяла и сдала их директору школы. «А-а!... Это опять ты?! Так, значит, ты сам драчун!» – **ПРАВИЛЬНЫЙ** директор сразу **СДЕЛАЛ** такой вывод, как только увидел **НИКТО**. И он сразу же превратился в какой-то непробиваемый щит с **ДЕЛАННЫМИ ОКРУГЛИВШИМИСЯ** глазами. Но тут уже **УЧИТЕЛЬНИЦА** истории поторопилась вмешаться: директор не на того набросился. **ОНА** стала защищать получавшего «пятерки» так, словно **НИКТО** и для **НЕЁ** их получал.

На третий этаж **НИКТО** поднялся не один, а с одним одноклассником. Этот одноклассник постарался ускорить шаг, чтобы поскорее скрыться в классе, кабинете математики, когда услышал, что **НИКТО** подозвали **ДВОЕ**, сидевших на диване. Несмотря на то, что в кабинете математики к этому времени уже могла собраться почти половина класса, никто даже **ПОКАЗАЛСЯ**. Было похоже на то, что класс оставался совершенно **ПУСТЫМ**. –Смотри у меня! Только попробуй что-то сказать! – угрожающе зашипел рядом один из **ДВУХ** оставшихся. Один из тех, кто наносил предательские удары сзади. Он был года на **ДВА** старше **НИКТО**. –А не заткнулся бы ты, скотина! – с ненавистью выпалил **НИКТО** губами, заливавшимися кровью. **ЕМУ** не хватало ещё и **СВЯЗЫВАТЬСЯ** с директором. **ОН** быстро схватил портфель и сбежал вниз по лестнице. Крупные капли крови капали у **НЕГО** с подбородка. **ОН** прикрыл окровавленной ладонью нижнюю часть лица, и каплями своей крови отметил путь от школы до общежития. Там **ОН** заметил, что у верхнего переднего зуба сколот угол, что этот зуб загнулся немного назад от удара. Верхняя губа сильно распухла. Когда кровотечение прекратилось, **НИКТО** вернулся в школу. Вернулся **ОН** к началу **ВТОРОГО** урока.

И в этом классе на этот раз каким-то особенно заметным стало это знакомое для НЕГО молчание. И **УЧИТЕЛЬНИЦА**, чей урок ОН пропустил, так **НИЧЕГО** ЕМУ и не сказала, несмотря на то, что даже опоздание на урок на какие-то несколько минут **ОНА** могла раздуть до размеров какого-то преступления. И очень заметным было то, что о чём **ОНА** молчала на очередном **ЕЁ** уроке. Не всегда же **УЧИТЕЛЯ** были **УЧИТЕЛЯМИ**? **ОНИ** же когда-то были точно такими же, какими **ПОКАЗЫВАЛИ** себя одноклассники и одноклассницы **НИКТО**. Слова в этом их мире придают реальность явлениям. Если о чём-то говорят, значит, это существует. Если промолчать о чём-то, то этого как нет и даже не может быть. И кому же нужно было превращать в реальность всё то, что происходило даже с одним **НИКТО**? В самом полусветлом классе стала **ВЫДЕЛЯТЬСЯ** какая-то самодовольная **ПРАВИЛЬНАЯ КУЧКА**. И эта **КУЧКА** нуждалась в **МИШЕНЯХ**. **НИКТО ОНА** не трогала. Но всё же такое положение **ДЕЛ** не могло дать этой **КУЧКЕ** чувства **ПОЛНОГО** своего превосходства над остальными. И пришло время, когда **НИКТО** всё же пришлось отправиться после уроков для выяснения отношений с **ДВУМЯ** самыми **ПРАВИЛЬНЫМИ** из этой **КУЧКИ**, из самой **ЕЁ** верхушки. По пути к тому месту выяснения отношений один из этих **ДВОИХ**, высокий и грузный, вдруг словно вспомнил о каком-то неотложном **ДЕЛЕ** и сказал, что ему нужно зайти в одно место, что он **ВПОЛНЕ** успеет догнать остальных. Он догнал, но не один. С ним шли ещё **ДВОЕ**. И никто его о причине появления этих **ДВУХ** не стал спрашивать. Никто и не собирался спрашивать. Он сам стал говорить о том, что этим **ДВОИМ** просто по пути с ними, что **ОНИ** никакого отношения к происходящему не имеют и не будут иметь. Но эти **ПРИСОЕДИНИВШИЕСЯ ДВОЕ** не оставили их и не пошли **ДАЛЬШЕ** своей дорогой. Предательское избивание **НИКТО** остановила какая-то проходившая мимо женщина. Она не смогла пройти мимо происходившего на том **ПУСТЫРЕ**, где выяснялись отношения. **НИКТО** шёл туда не в **ПОЛНОМ** одиночестве. За **НИМ** шли **ЕГО** светлый товарищ и один несветлый одноклассник. Эти **ДВОЕ** были сыновьями прапорщиков. Этот **ВТОРОЙ** всегда выглядел безобидным, ни разу никого не защитил, ни за кого ни разу не заступился, ни разу не подставил свою шкуру под удар. **ОН** как прикрывался теми, с кем вместе ходил. И эти **ДВОЕ** встали как вкопанные рядом друг с другом и шагу **НЕ СДЕЛАЛИ**, чтобы помешать происходившему. **НИКТО** заметил, когда поднялся с земли, что **ЕГО** светлый товарищ как **ВПОЛНЕ** остался довольным самим собой. Он остался доволен тем, что оставил себя стоять в стороне, что один только **НИКТО** получил всё то, что заслужил. Он **СДЕЛАЛ** всё **ПРАВИЛЬНО**, и поэтому остался доволен собой. И остался доволен тем, что его как возвысило над такими как **НИКТО**, и тем, что не дал себя **ПОТЯНУТЬ** за собой куда-то не туда. На этот раз он позаботился о сохранности собственной шкуры и словно оказался умнее. Когда **НИКТО** направился в ту сторону, где жил, сыночки прапорщиков **ПОТЯНУЛИСЬ** за **НИМ**. Для **НИКТО** важнее было то, что с чем **ОН** себя оставляет. И **ЕМУ** было не до того, что с чем предпочли себя оставить эти **ДВОЕ**. Это была заботой прежде всего **ИХ** самих.

Когда уже заканчивался восьмой **УЧЕБНЫЙ** год, шла подготовка к экзаменам, большая часть полусветлого класса после занятий стала задерживаться на пару часов для того, чтобы поиграть в волейбол на школьном дворе. Уже на третий или на четвёртый день он стал **ТЯНУТЬ** одну **КУЧКУ** детей младшего школьного возраста одного из параллельных классов бросаться и камнями, и камушками. Сначала все в полусветлом классе старались не обращать на бросавшихся камнями и камушками никакого внимания в надежде на то, что тем самым это, в конце концов, надоест и они отстанут. Но те всё не унимались. С ещё большим воодушевлением они стали бросаться дохлой крысой, которую где-то нашли. Этой крысой они, в основном, стали метить в девочек. Продолжать **ДАЛЬШЕ** не обращать внимания на тех, кто бросался камнями и дохлой крысой, уже не получалось. И **НИКТО** вместе с тем одноклассником, который приносил мяч для игры, в **ДВА** счёта разогнали **КУЧКУ** этих каких-то гадёнышей, надавав кое-кому пинков под зад для большей скорости. Что-то и на этот раз **НИКТО** не обра-

тил особого внимания на то, что как-то быстро эта **КУЧКА** скрылась из виду. После этого ни у кого уже не осталось никакого желания продолжать играть **ДАЛЬШЕ**. Решили расходиться по домам. Рядом с **НИКТО** шли **ЕГО** светлый товарищ, сынок прапорщика, и сынок подполковника, тот, из-за которого пострадала **ЕГО** челюсть. На полпути к железным дорогам **НИКТО** взял и оглянулся назад, и увидел, что их догоняет **КУЧА** из восьми человек вместе с той **КУЧКОЙ** из детей младшего школьного возраста. Сразу стало ясно, что почему эта **КУЧКА** так быстро исчезла. **ОНА** побежала звать другую **КУЧУ**.

«Бежим!» – позвал **НИКТО** за собой тех **ДВОИХ**, которые как прилипали к **НЕМУ** после школы по пути домой. **ЕГО** удивило то, что **ОНИ** не последовали за **НИМ**, а продолжали идти так, как ни в чём не бывало, и так, словно **ОНИ** не имели к **НЕМУ** никакого отношения. **ОНИ** были словно **ОТДЕЛЬНО** от **НЕГО**. **НИКТО** обратил внимание на то, что как **ЕГО** светлый товарищ пытался удержать свой взгляд повыше, который, как всё равно, соскальзывал вниз. По всей видимости, он уже решил, что всё-таки нужно быть умнее и ему **ЛЕГЧЕ** будет, если упражняться в предательстве. **НИКТО** не мог забыть того, что сколько раз он помогал **ЕМУ** отбиваться, и это продолжало помогать сохранять их отношения. Он помогал **НИКТО**, когда они были **ВДВОЁМ**, когда с ними больше никого не было. Но стоило оказаться вместе с ними ещё кому-то из тех, кто собирался быть умнее и заботился о сохранности собственной шкуры, то этого светлого товарища как начинало **ПЕРЕТЯГИВАТЬ** на другую сторону. **КУЧА** догнала их, и драка началась с мясного шлепка по лицу светлого товарища **НИКТО**. В этой драке им **ДВОИМ** пришлось отбиваться от восьмерых, не считая ту **КУЧКУ**. Самым удивительным оказалось то, что этого сыночка подполковника, будущего курсанта-артиллериста, никто так и не тронул за всё то время, которое он простоял как вкопанным каким-то и каким-то замороженным. Драка быстро истощила силы обеих сторон, и это её остановило. Тут уже подошли ещё **ДВОЕ**, тем самым ещё больше увеличивая собой и без того уже большую **КУЧУ**. **ОНИ** стали звать продолжить «разговор» в другом месте. И этот сынок подполковника **ПЕРВЫМ** сошёл с места и послушно направился в ту сторону, в которую позвали идти, как какой-то паршивой овцой. И светлый товарищ **НИКТО** чем-то заразившимся, каким-то уже замороженным **ПОТЯНУЛСЯ** следом. И пошли они такими покладистыми, что **НИКТО** поразился этому. **ОН** не понимал тогда, что очень многие уже в эти годы **УЧАТЬСЯ** быть такими, у кого будет оплачиваемое будущее. **ОН** со злостью закричал на них: «Эй, вы! Куда вы пошли?! Куда вы как бараны пошли?! Они зовут вас туда, где к ним может прибавиться ещё столько же, где вас избьют! Бараны!! Пошли домой!!!» И эти **ДВОЕ** опять послушно поменяли направление. Эти **ДВОЕ** после окончания школы пойдут **УЧИТЬСЯ ДАЛЬШЕ**. **ОНИ** станут курсантами военных **УЧИЛИЩ**. Наверное, в общей **КУЧЕ ЛЕГЧЕ** стоять на защите **ЦЕЛОГО** отечества, чем самому встать на защиту кого-нибудь одного? Вообще-то, тут **ПОКАЗАЛО** себя что-то другое. Этот мир всегда будет стремиться загасить то пламя, которое будет гореть не по его **ПРАВИЛАМ**. И когда весь мир против нас, то очень многие предпочитают становиться на его сторону, против самих себя.

НИКТО уже **УЧИЛСЯ** в девятом классе, когда, переодевшись в спортивную одежду на урок физкультуры, вошёл в зал с площадкой для игры в баскетбол и увидел одного одноклассника, стоявшего каким-то одеревеневшим, каким-то вкопанным столбом. И взгляд у него был какой-то погибший. Он стоял с бледностью больного или отравленного. И этот **ЕГО** одноклассник, сынок военного, офицера, старался как удержаться взглядом за какую-то невидимую точку перед собой и где-то в какой-то вдаль и время от времени начинал судорожно переставлять ноги, чтобы устоять перед каким-то пятиклассником из одного из параллельных классов, который едва доставал ему до подбородка. Этот пятиклассник был как уверен в своей неуязвимости и, задавая очередной свой вопрос, сопровождал его ударом тому в живот, чтобы добиться от того какого-нибудь ответа. А тот тупо молчал и смотрел куда-то вдаль вверх его головы. В этом зале находилось уже полкласса, но никто не вмешивался в происходившее.

А НИКТО не смог пройти мимо этого. ОН и не собирался быть умнее настолько, насколько старались остальные. И то, что ОН увидел, было настолько отвратительным и отталкивавшим для НЕГО, что ОН взял и оттолкнул того наглеца от своего одноклассника, сказав ему: – Ты, чего это, к человеку пристал? Тут с этого ЕГО одноклассника как сразу спали какие-то чары, и он сразу же сошёл с места и отошёл **ПОДАЛЬШЕ** в сторону. – Ты... Ты... ме-ня у-дарил? ...Посмотрим... Ладно... Ну, погоди же!... Ещё увидишь... – судорожно глотая, чуть не плача и чуть не захлёбываясь как от какой-то чудовищной обиды, которую посмели ему нанести, проговорил этот пятиклассник, грозя какой-то неминуемой расплатой. Он исчез в тёмном дверном проёме. НИКТО подошёл к скамье, приставленной к стене, и сел на неё. К НЕМУ подсел один из тех, кто находился в зале. – Зачем ты его тронул? – А что случилось? – Ты знаешь, что кого оттолкнул? – Нет. – Зря ты это **СДЕЛАЛ**: он **ЦЕЛЮЮ КУЧУ** приведёт. – Ну и чёрт с ним. **НИЧЕГО** нового или чего-то неожиданного для НИКТО в этом не было. ОН стал держаться **ПОДАЛЬШЕ** от полусветлого класса на переменах, чтобы избежать встречи с теми, кого тот гадёныш мог привести. К началу очередного урока ОН появлялся с некоторым опозданием, где-то через пару минут после того, как звонок властно начинал требовать разойтись по классам. **ДВА** раза приходили и искали ЕГО, и уходили ни с чем. На следующий день НИКТО продолжал держаться **ПОДАЛЬШЕ** от своего класса. Опять те, кто приходил за НИМ, уходили ни с чем. Неужели об этом никому не было известно? Неужели после того, как **УЧИТЕЛЯМ** становилось известно даже про какие-то подробности чего-то совершенно незначительного, можно было поверить в то, что **ОНИ** оставались в каком-то неведении относительно происшедшего? Все отмалчивались.

Один раз НИКТО пострадал очень сильно. Это случилось уже после окончания школы. От трёх сильных ударов одного **ДВАДЦАТИШЕСТИЛЕТНЕГО** в одно и то же место, **ВОКРУГ** ЕГО левого глаза так сильно всё распухло, что сам глаз **ПОЛНОСТЬЮ** закрылся. Сама кожа **ВОКРУГ** глаза стала красной-прекрасной. Опухоль **ВОКРУГ** глаза начала спадать где-то через неделю. Но ещё больше **ДВУХ** недель НИКТО не мог держать глаз открытым больше минуты из-за начинавшейся сильной рези. Белок глаза с внешней стороны **ПОЛНОСТЬЮ** окрасился в сочный цвет крови. Всё же сильнее НИКТО пострадал, когда **УЧИЛСЯ** в десятом классе, когда огромная **ТОЛПА** стала избивать ЕГО. Град ударов по спине, по голове с такой силой гнул ЕГО и давил к земле, что ОН изо всех сил старался устоять на ногах. ОН почувствовал как от града ударов заболело у НЕГО в коленях. Для НЕГО самым главным было удержаться на ногах. Но ОН всё же упал на одно колено под таким тяжёлым грузом ударов. Но ОН всё равно сумел подняться. Когда ОН уходил, собрав последние силы, ЕГО глаза **НИЧЕГО** не видели. ОН уходил, различая только мутную границу между серым и светлым. Светлым был просвет улицы между **ДВУМЯ** рядами домов, а серым – ряд одноэтажных домов с правой стороны. Сил было так мало, что **ТЯНУЛО** просто лечь. Сильно тошнило. ОН не лёг, а заставлял себя идти.

Когда НИКТО появился с распухшим глазом, отец страшно на НЕГО разозлился: «Сколько раз я тебе говорил?! Сколько раз я тебе рассказывал про **ДВУХ** товарищей, ушедших в лес?! Когда на них вышел медведь, один бросил другого и залез на дерево! А другой!... не знал, что ему **ДЕЛАТЬ**, взял лёг на землю и притворился мёртвым! Медведь подошёл, обнюхал его и ушёл. Когда тот, **ВТОРОЙ**, спустился с дерева, подошёл и спросил: „А что тебе медведь на ухо сказал?“ -, тот, кто лежал, ответил: „Не ходи в лес с такими друзьями“. Понял?! Не ходи! Для чего это рассказывают? Для чего об этом пишут?! Не ходи с такими! **ДАЛЬШЕ** от таких! **ДАЛЬШЕ!!**»

НИКТО и так стал держаться **ПОДАЛЬШЕ** от всех. Когда ОН закончил школу, ЕГО **НЕ ТЯНУЛО УЧИТЬСЯ ДАЛЬШЕ**. **УЧИТЬСЯ ДАЛЬШЕ** оказалось **ЛЕГЧЕ** для **ПРАВИЛЬНЫХ**. НИКТО так устал от **УЧЁБЫ** в школе, которая как подрывала ЕГО силы, что

прежде всего ОН почувствовал необходимость отдохнуть. Месяца через три ОН пошёл работать на завод рядом со своим отцом.

Часть вторая А Р М И Я

На следующий год, поздней осенью, НИКТО забрали на ДВА года служить в армии. Группу из ДВАДЦАТИ трёх человек, в которой ОН находился, к месту назначения сопровождал один прапорщик. С самого начала пути НИКТО заметил, как этот прапорщик стал как-то старательно **КРУТИТЬСЯ** около тех, кто мог оказать какое-то влияние на остальных. Он как стремился завоевать их расположение. ПЕРВЫЙ отрезок пути **ПРОДЕЛАЛИ** на самолёте. На железнодорожном вокзале Ленинграда этот прапорщик оставил их, чтобы сходить и получить билеты на ВТОРОЙ отрезок пути. Когда он вернулся, ему как будто уже **НИЧЕГО** не оставалось как **ПОДЕЛИТЬСЯ** с теми, **ВОКРУГ** которых он с самого начала словно тёрся, о том, что ему из-за каких-то возникших трудностей пришлось доплачивать, отдавать свои деньги за все билеты из своего кармана. И те, кому он рассказал как о своих потерянных деньгах, решили ему помочь и собрать по три рубля и отдать ему. Прапорщик при этом стоял с каким-то товарным выражением лица. С таким же товарным выражением лица он положил в свой карман собранные деньги. НИКТО заподозрил прапорщика во лжи, всё **НЕПОНЯТНОЕ** лжёт, но всё же решил отдать эти три рубля, чтобы **НЕ ПОКАЗАТЬ** себя каким-то мелочным, чтобы не слышать и не видеть что-то ещё. НИКТО как подводило ещё и то, что ОН имел весьма поверхностные представления о том, что ЕГО, на самом **ДЕЛЕ**, могло ждать в армии. Если бы ОН и все остальные знали о том, что в каком вагоне и как им придётся ехать **ДАЛЬШЕ**, этот прапорщик не получил бы того, что взял. Все, кроме него, в этот путь отправлялись в ПЕРВЫЙ раз. Да и одного раза, как **ПРАВИЛО**, часто как не хватает совершить что-то в ответ. Весь день пришлось ждать нужный им поезд. Когда уже совсем стало темно, они стали выходить из вокзала к прибытию поезда. Когда вагоны останавливавшегося поезда проходили мимо них, обнаружилось то, что до какой-то отвратительнейшей тесноты они были забиты теми, кого тоже забирали на службу в армию. В этих вагонах **ПОЛНЫМ-ПОЛНО** было тех, кого забирали служить в армии. Через большие окна вагонов было прекрасно видно, как они до самого верха были **ЗАПОЛНЕНЫ** уже стриженных под «**НОЛЬ**». Такого НИКТО никогда прежде ещё не приходилось видеть. По всей видимости, это уже не один прапорщик мог **ДЕЛАТЬ** деньги. В том плацкартном вагоне, в который они стали заходить, им с таким трудом пришлось пробираться и протискиваться через **КУЧИ** лысоголовых, что само такое продвижение только больше и больше начинало помогать вызывать в них силу внутреннего сопротивления. Это внутреннее сопротивление стало набирать такую силу, которая заставила развернуться в обратную сторону и выходить из такого вагона. Неужели за такой проезд прапорщику из собственного кармана отдавать деньги? Ни один из **ДВАДЦАТИ** трёх человек не задержался в этом вагоне. «Что это такое?! Мы так не поедим!!» – с такой силой запротестовали большинство из них, что уже начинало казаться, что они и в самом **ДЕЛЕ** в таком поезде никуда не поедут. Но они продолжали оставаться рядом с этим вагоном. И прапорщик стал хватать своими руками самых крайних, самых молчаливых, самых нерешительных и как **ЗАТЯГИВАТЬ** в этот вагон. Он как будто принялся грузить как каких-то баранов. При этом принялся старательно уверять остальных в том, что для них будет **ВЫДЕЛЕНО ОТДЕЛЬНОЕ** место. Видимо, он **ПРОДЕЛЫВАЛ** это уже не в ПЕРВЫЙ раз, потому что что-то недолго ему пришлось думать, что ему **ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ**. **ВТЯНУТАЯ** в вагон часть как **ПОТЯНУЛА** за собой и остальных, и **ДВАДЦАТЬ** три человека вместе с прапорщиком разместились на шести полках, на **ДВУХ** противоположных верхних, на **ДВУХ** противоположных нижних и **ДВУХ** боковых, верхней и нижней. И чего же **ДАЛЬШЕ** следовало ожидать? Очень часто, уже само начало может **ПОКАЗЫВАТЬ** то, что каким будет продолжение **ДАЛЬШЕ**.

Ранним утром, когда было ещё темно и холодно, поезд остановился. Когда эти **ДВАДЦАТЬ** три человека стали выходить из поезда, какой-то полковник, видимо следуя **ПРА-**

ВИЛУ «запуганные думать не способны», запуганными **ЛЕГЧЕ** же управлять, какой-то взбесившейся собакой стал бросаться на выходивших из вагона и срывать их со ступенек. Он стал кричать, чтобы все торопливо построились в **ДВЕ** шеренги. И брызги его слюны, когда он кричал, каким-то праздничным салютом искрились в зыбком свете электрических фонарей вокзала. Затем эти **ДВАДЦАТЬ** три человека на автобусе привезли в какую-то **УЧЕБНУЮ** часть. Их в **ПЕРВЫХ** же день **РАЗДЕЛИЛИ**, разбросали по ротам и придавили **КУЧЕЙ ПРАВИЛ** и занятий, чтобы до **ПРЕДЕЛА** лишить их свободного времени. Из этого времени было оставлено только **ДВАДЦАТЬ** минут. В течение дня через **ОПРЕДЕЛЁННЫЕ** отрезки времени их перемещали, переводили с места на место, как не давая опомниться и собраться с мыслями. От постоянного напряжения за день накапливалась такая усталость, что даже сна не хватало, чтобы восстанавливались уходившие куда-то **ВПУСТУЮ** силы. И что-то очень часто там **ПОВТОРЯЛИ** и **ПОВТОРЯЛИ**, что восьми часов **ВПОЛНЕ** должно хватать для сна. Зачем это **ДЕЛАЛОСЬ**?

Когда те, кто стал курсантами, постепенно стали понемногу осваиваться на новом месте и **НАУЧИЛИСЬ** минуту за минутой отвоёвывать то свободное время, которого их старались **ПРЕДЕЛЬНО** лишить, то ими стало не так **ЛЕГКО** управлять в этой какой-то чересчур **ПРАВИЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ** части. В этой части **НИКТО** стал лучше понимать, что за одним злом может скрывается большее, что какое зло могло скрывается за тем злом, которое было направлено со стороны параллельных классов на тот класс, в котором **ОН УЧИЛСЯ** в школе. После поступавших сначала обещаний **ЕГО** «морально **УНИЧТОЖИТЬ**» с помощью постоянных насмешек и едких замечаний по каждому поводу и без повода на каждом шагу **ЕМУ** всё-таки стали грозить применением силы. И **ЕМУ** пришлось без лишних свидетелей самому постараться у желавших превратить **ЕГО** в какую-то **МИШЕНЬ** отбить всякое желание нацеливаться на **НЕГО**. Когда миновали шесть месяцев зимнего полугодия, **ОТУЧИВШИХСЯ** опять стали группами увозить из этой **УЧЕБНОЙ** части. И **ДЕЛАЛОСЬ** это так, чтобы убывавшие не встречались с начавшими прибывать туда. **НИКТО** случайно услышал как командир их роты, объяснял происходившее: «... чтобы не испортили». Как это «чтобы не испортили»? Чем это можно испортить? Передать что-то из своего опыта?

Из ленинградского военного **ОКРУГА** **НИКТО** попал в душанбинскую бригаду войск противовоздушной обороны. А в Душанбе **ОН** узнал о том, что куда **ЕГО**, на какую «точку», отправят **ДАЛЬШЕ**. «Точкой» оказался **ОТДЕЛЬНЫЙ** радиолокационный батальон в городе Керки, расположенный на берегу очень широкой реки Амударья. **ПЕРВОЕ** же утро в этом батальоне оказалось **ПРАВИЛЬНЫМ** для **НИКТО**. «Батальон, подъём!!» – прокричал дневальный, но мало кто из тех, кто лежал на кроватях, даже пошевелился. Стало ясно, что там уже так отвоёвывали своё время. Дневальный продолжал выкрикивать команду «подъём» **ДВА**–три раза в минуту. Кое-кто стал вставать и одеваться под настойчиво **ПОВТОРЯВШУЮСЯ** команду. И **НИКТО** решил, что лучше встать и одеться. Потом **ОН** сел на стул в ожидании того, что будет **ДАЛЬШЕ**. **ОН** не собирался **ОПЕРЕЖАТЬ** событий. Он решил, что лучше будет следовать за теми, кто уже находился в этой части, а **НЕ ОПЕРЕЖАТЬ** их. «Батальон, выходи строиться!» – стал кричать дневальный. Выходившие из казармы стали скапливаться перед узким дверным проходом, стоя один за одним в одной большой гусенице, которая выходила наружу. И все те четверо прибывших накануне вечером вышли в самом хвосте этой гусеницы, вышли самыми последними и встали в строй. Какой-то лейтенант, дежурный по части, из четырех незнакомых ему лиц вывел из строя троих и объявил, что они не встали по «подъёму». Черноволосого кавказца он решил оставить в покое. А троих он отправил в разные места на уборку в наказание за совершённое ими. **НИКТО** отправился убирать клуб, который, как оказалось, уже был убран и его не нужно было убирать. Но **ОН** напрасно понадеялся на то, что назначенное наказание как снимало уже обвинение за то, за что последовало это наказание. И совсем скоро **ЕМУ** стало ясно, что обвинения там могут изобретаться, что там **ВПОЛНЕ**

могут не только наказывать за что-то **ДВАЖДЫ**, но и **ДЕЛАТЬ** это наказание постоянным. Тот лейтенант на очередном построении, на разводе, доложил, что трое не встали по «подъёму», и ни один из майоров и капитанов даже не засомневался в том, что те, кого они **ВПЕРВЫЕ** увидели, в наглости посмели превзойти остальных в **ПЕРВОЕ** же утро. Все **ДЕЛАЛИ** вид, что всё шло **ПРАВИЛЬНО**. И никто из этих троих даже и не пытался что-то объяснять, как-то оправдываться, потому что им уже стало ясно, что им придётся говорить как на другом языке, и **НИЧЕГО** не будет услышано, что говорить нужно только на **ПРАВИЛЬНОМ** языке. Им стало ясно, что их в **ПЕРВОЕ** же утро в этом батальоне принялись **ИЗНИЧТОЖАТЬ**.

В солдатской столовой находилось четыре десятиместных стола. Каждый «призыв» садился **ОТДЕЛЬНО** за свой стол. Полгода **ОТДЕЛЯЛО** один «призыв» от другого и ставило как на одну ступеньку выше другой. Из четырёх ступенек **НИКТО ТЯНУЛА** самая последняя, с которой словно оставалось **СДЕЛАТЬ** один шаг прочь оттуда. «Дембеля» были ближе всех к тому, чтобы вернуться домой, и **НИКТО** садился с ними. Самыми несчастными выглядели «духи». Они и в самом **ДЕЛЕ** были какими-то тихими, бесшумными, с бескровными лицами и с погасшими глазами. Так велик был в этих «духах» отлив жизни, что они казались блёклыми и потускневшими. Их в основном и «припахивали». «Дембелям», отслужившим **ДВА** года, и «дедам», отслужившим только полтора года, «не положено» было убирать посуду со столов, за которыми они ели. Убирать за ними должен был кто-то из «духов» или «черпаков». «Дембель» или «дед» только поворачивал голову в сторону стола, за которым сидели «духи», или, в крайнем случае, в сторону стола, за которым сидели «черпаки», отслужившие всего лишь год, выбирая кого-нибудь крайнего, подзывал и требовал: «А ну-ка...» Оказавшийся крайним сразу всё понимал и убирал всё, что было нужно. Получалось так, что и **НИКТО** должен был **ПОКАЗЫВАТЬ** себя «припахивающим» или же самому начать убирать посуду со стола за других и, значит, **ПОКАЗАТЬ** себя каким-то **НИЧТОЖЕСТВОМ**. А **ОН** как и не собирался **ДЕЛАТЬ** ни того, ни другого. Из-за всё тех же опасений что-то самому нарушить **ОН** не мог заставить себя подчиниться этим **ПРАВИЛАМ**. Один **ЕГО** земляк из **ЕГО** же «призыва» решил исправить такое положение **ДЕЛ** и после обеда стал **УЧИТЬ** **НИКТО**: «Слушай!... Вот, ты садишься за стол с „дембелями“... Они своё уже отслужили. Они почти „гражданские люди“. Тебе служить! И ты должен „припахивать“, а не они. Ты ни разу не заставил убрать посуду. Всегда кто-то из них это **ДЕЛАЕТ**. А им скоро домой уезжать. Им сейчас нельзя „залетать“. „Припахивай“! Или ты сам хочешь убирать посуду? Если не собираешься убирать сам, то, значит, должен заставлять **ДЕЛАТЬ** это других. То, как ты поступаешь, нехорошо. Ты нехорошо **ДЕЛАЕШЬ**. „Припахивай“!» Всё сказанное земляком выглядело **ПРАВИЛЬНЫМ**. **НИКТО** так и не смог себя пересилить и отдать себя в подчинение этим **ПРАВИЛАМ**. Но принимавших все эти **ПРАВИЛА**, следовавших **ИМ**, было **ВПОЛНЕ** достаточно для того, чтобы **ОНИ** и без **НИКТО** продолжали действовать. Случалось и так, что «припахивать» было некого, и, уходя из столовой, «дембеля» оставляли посуду неубранной. Тогда только наряду по столовой приходилось её убирать. Несколько раз старшина замечал неубранную посуду, и в наказание за это **НИКТО** вместе с «дембелями» приходилось заниматься строевой подготовкой на плацу. Старшина, чтобы бороться с «дедовщиной», часто оставался в столовой до самого окончания «приёма пищи». Когда «духи» и «черпаки» в присутствии самого старшины убрали свои столы и вышли строиться, «припахивать» было уже некого. «Деды», «дембеля» и **НИКТО** продолжали сидеть за своими столами и не могли из столовой до тех пор, пока посуда не будет убрана. Старшина всё настойчивее начинал требовать, чтобы посуда была убрана. Такое сидение за **ДВУМЯ** столами уже явно начинало **ЗАТЯГИВАТЬСЯ** и не могло обещать **НИЧЕГО** хорошего. «Как же они выйдут из такого положения?» – думал **НИКТО**. «Я уберу только свою посуду!» – решительно заявил один «дембель», вставая из-за стола, забирая с собой только свою миску, свою ложку, свою кружку, чтобы отнести всё это к окошку в посудомойку. Все остальные последовали его примеру. Каждый убрал за собой только свою

посуду. Когда «дембеля» уехали, НИКТО пересел к «дедам», к тем, кто ближе остальных находился к тому времени, когда и ЕМУ можно будет убраться оттуда. Из-за своих способностей к рисованию НИКТО оказался в распоряжении замполита батальона. И когда этот «товарищ капитан» спрашивал: «СДЕЛАЛ?», НИКТО приходилось каждый раз отвечать: «нет». Когда тот спрашивал: «Почему?», то получал один и тот же ответ: «Я в наряде был». Эти вопросы и всё те же ответы на них продолжали **ПОВТОРЯТЬСЯ** даже тогда, когда «товарищ капитан» стал освобождать НИКТО от наряда. В наряд НИКТО заступал в шесть часов вечера, а капитан узнавал об этом на следующее утро и «освобождал» ЕГО от наряда где-то в обед, где-то около **ДВУХ** часов дня. А в шесть часов вечера НИКТО опять оказывался в наряде. ОН не вылезал из нарядов. Наряд по роте только назывался «суточным», потому что, на самом **ДЕЛЕ**, было как каким-то **ПРАВИЛОМ** оставлять тех, кто в нём оказался, на **ВТОРЫЕ** сутки. Когда НИКТО оказался в армии, то ОН с самого начала почувствовал себя таким угнетённым, словно всё это время толщиной в **ДВА** года как придавила ЕГО. Когда же ОН попадал в «суточный» наряд по роте, то этот гнёт сразу как **УДВАИВАЛСЯ**. В наряде ОН чувствовал оказавшимся в меньшей клетке, которая находилась внутри большей. ОН чувствовал себя как с **ДВАЖДЫ** запертой душой и чувствовал себя большей **МИШЕНЬЮ** для придирчивых глаз. Несмотря на то, что весь наряд по роте каждый раз оставляли на **ВТОРЫЕ** сутки, НИКТО, когда в очередной раз попадал в наряд, продолжал надеяться на то, что на этот раз, может быть, всё обойдётся одними сутками. Когда до окончания наряда оставалось три-четыре часа, эта надежда ещё жила. Но каждый раз к этому времени старшина начинал с какой-то **НЕПОНЯТНОЙ** настойчивостью убивать её. Сразу убить её у него не получалось. Убийство каждый раз начинало мучительно **ЗАТЯГИВАТЬСЯ**. Просто невыносимо было смотреть на то, как старшина, задавшись всё той же целью – оставить наряд на **ВТОРЫЕ** сутки, начинал опять ходить там, где уже проходил так, как будто что-то потерял и никак не мог найти. Было заметно то, что как тяжело становилось ему в его поисках и то, что он испытывал какое-то **ОБЛЕГЧЕНИЕ**, когда, наконец-то, находил какую-нибудь подходящую соринку, брошенную, может быть, кем-то минуту назад. С **РАСТЯНУТОЙ** улыбкой он подзывал к себе и **ПОКАЗЫВАЛ** на неё. Его лицо светилось от такой радости, что ему всё же удалось найти подходящее пятно для всего наряда. Когда он снова начинал убивать эту надежду, когда ему нужно было оставить наряд на третьи сутки, это становилось невыносимо. Для тех же, кто оказывался в наряде по столовой, для этого старшины было уже совершенно излишним искать какое-нибудь пятно. В наряде по столовой можно было остаться и на четверо суток, и на **ЦЕЛУЮ** неделю, и на **ДВЕ** недели. НИКТО был родом из Армении, и поддержка ЕГО земляков помогала ЕМУ держаться. ОН просто удивлялся тому, как всё приходилось выдерживать «духам», у которых земляки были похожи на тех, кто больше думал о сохранности собственной шкуры. На них было просто больно смотреть. Бледные, какие-то сгорбленные, они гнулись как надломленные, постоянно одни и те же с утра до вечера где-то что-то мыли, чистили, подметали и за себя, и за «дедов». И каждый из них не мог не нести в себе всё росший и росший страшный груз озлобленности. И что им помогало держаться? Надежда дожидаться следующий призыв, на который можно будет всё разом сбросить с такой силой накопившейся злобы, что мало кто сумеет против неё устоять. «Деды», на которых старались сваливать все обвинения в «дедовщине», не трогали НИКТО и поэтому оставалось не заслонённым от НЕГО то, что от кого она, на самом **ДЕЛЕ**, исходила. «Деды» просто **НАУЧИЛИСЬ ОБЛЕГЧАТЬ** себе жизнь, просто **ПОВТОРЯЯ** то, что **ДЕЛАЛИ** прапорщики, старшина, лейтенанты, капитаны и так далее, и **ПОКАЗЫВАЛИ** себя такими же.

Казармы находилась «внизу», а чтобы оказаться «наверху», нужно было подниматься на крепость, на которой располагалась позиция с радиолокационными станциями. На крепости несли постоянное боевое дежурство. И вот после того, как жизнь НИКТО «внизу» была превращена как в сплошное наказание, командир роты «**СВЯЗЬ**» позвал ЕГО к себе и **СДЕЛАЛ**

ЕМУ предложение: **УЧИТЬСЯ** на дизелиста и подниматься «наверх» на «смену». «А что ему мешало **СДЕЛАТЬ** это предложение раньше? Зачем он больше месяца **ТЯНУЛ** с этим предложением? Он ждал всё это время, чтобы ему **ЛЕГЧЕ** было получить от меня согласие? Для этого так стараются изводить в нарядах? И в нём всё это время жила какая-то надежда?...» **НИКТО** относился к роте «Узел» и должен был иметь отношение к ремонтным мастерским после проведённых шести месяцев в **УЧЕБНОЙ** части. **ОН** решил, что раз больше месяца и «Узел», и «**СВЯЗЬ**» обходились без **НЕГО**, то могут и **ДАЛЬШЕ** без **НЕГО** обходиться. Опять начинать на кого-то **УЧИТЬСЯ** **ОН** уже не собирался. **ОН ПОДЕЛИЛСЯ** с земляком с тем, что какое предложение ЕМУ было **СДЕЛАНО**. И земляк, ходивший на «смену», сказал ЕМУ: «Поднимайся „наверх“. Там **ЛЕГЧЕ** тебе будет. И в наряды будешь ходить, может, раз в месяц. Дизелист – это одна из лучших работ. И времени свободного **ПОЛНО** будет. И на арык купаться каждый день можно ходить. И в самоволку можно сходить. А „внизу“ куда ты сможешь пойти? Там постоянно одно контрольное построение за другим. Там и штаб. Там и вся эта **КУЧА** начальства. Начальство „наверх“ только утром на развод поднимается. Потом там остаётся только один оперативный-дежурный. Бывает ещё кто-то там остаётся, но это тогда, когда что-то приходится ремонтировать. На крепости спокойнее. Главное: ты там эту сволочь, старшину, не будешь видеть... Будешь работать дизелистом – капитан для тебя и отпуск домой **СДЕЛАЕТ** и в увольнения по выходным будешь ходить. Вот один уже **ДВА** раза дома побывал. А что твой замполит до сих пор **СДЕЛАЛ**? Увольнение объявил? А ты вместо увольнения в наряде гнил? И потом ты же в увольнение так и не сходил? И этот капитан об этом как будто забыл. „Наверху“ **ЛЕГЧЕ**. Поднимайся „наверх“.» Что-то внутри у **НИКТО** как-то не принимало того, что наговорил ЕМУ земляк, что **ВПОЛНЕ** выглядело разумным. «А что такое отпуск?...Зачем он мне нужен, если после него опять придётся возвращаться сюда. Сама мысль о возвращении сюда настолько невыносима, что никакой отпуск не нужен. И что-то не заметно, что эти отпуска стараются давать. Они выглядят чем-то таким, чего, скорее всего, не стоит даже дожидаться. Больше разговоров про эти отпуска. Если тебя как стараются чуть ли не израсходовать, надо же что-то обещать за это. Отсюда лучше убраться и больше сюда не возвращаться. Мне не хватало ещё и самому стараться заработать этот отпуск. Я и так как одной ногой в дерьме оказался. Мне не хватало ещё и самому **ВТОРОЙ** ногой встать в него, чтобы только больше в нём увязнуть.» Через пару дней из Душанбе пришло распоряжение отправить **НИКТО** в ташкентскую бригаду, на одну из подчинённых ей группу дивизионов. В той образцово-**ПОКАЗАТЕЛЬНОЙ** части, где **ОН** оказался, всё выглядело намного лучше, чем то, что осталось в военной части, расположенной в Керках. **НИКТО** прибыл в эту часть в числе самых **ПЕРВЫХ** из тех, кого собирались использовать на каких-то строительных работах. Их было человек четырнадцать. **ПЕРВЫЕ ДВЕ** недели они были свободны от нарядов. Ни к уборкам и ни к каким-нибудь работам их не привлекали. После испытанного напряжения от пребывания в состоянии какого-то постоянного наказания такое ощущение свободы только продолжало удерживать в напряжении. Когда затем чуть ли уже не каждый день стали прибывать такими же группами или чуть большими такие же застёгнутые в солдатскую форму, всех прибывших **ВЫДЕЛИЛИ** в **ОТДЕЛЬНУЮ** строительную роту, в которой пошло **РАЗДЕЛЕНИЕ** вплоть до **ОТДЕЛЕНИЙ**. С началом работ и в этой роте стали **ВЫДЕЛЯТЬ** кого-то на уборку территории **ВОКРУГ** казармы и в суточные наряды. И это **РАЗДЕЛЕНИЕ** пошло ещё **ДАЛЬШЕ**. И когда подобные тем, кто в **УЧЕБНОЙ** части нацеливался на **НЕГО**, стараясь **СДЕЛАТЬ** ЕГО **МИШЕНЬЮ**, и тем, за кого **ОН** ещё в школе подставлял себя под удары, стали превращаться в жалкие **МИШЕНИ**, то никакого сочувствия они у **НЕГО** уже не вызывали. **НИКТО** уже старался держаться **ДАЛЬШЕ** от таких. Некоторые из таких даже стали опасаться ложиться спать в казарме, уходили на всю ночь в самоволку. После этого участились построения. А когда уставшим от работы вместо заслуженного отдыха приходилось стоять в строю неизвестно сколько времени, то это не могло их не злить. Раз **ДВОЕ** сразу после

ужина взяли и ушли в город в самоволку. На вечерней поверке их отсутствие было замечено, и подполковник, который был ответственным в тот день, всю строительную роту взял и оставил стоя дожидаться возвращения тех **ДВОИХ**. Освещённая зыбким электрическим светом рота молча стояла на плацу рядом с **ДВУХЭТАЖНЫМ** штабом, переминаясь с ноги на ногу. После **ДВУХ** часов ночи она оживилась от слабого ропота недовольства, который прошёл по ней. **НИКТО** же отвлекал себя разглядыванием того, как большие чёрные сверчки ползали по земле на границе света и темноты. – Сколько можно так стоять?! – вырвалось из строя. – Сколько нужно столько и будете стоять, – отозвался подполковник, тоже уже как уставший от слишком **ЗАТЯНУВШЕЙСЯ** мёртвой тишины. – Как это «сколько нужно»?!! Мы **ЦЕЛЫЙ** день работали!!! Мы имеем право на отдых?! Нам же завтра опять на работу! – кто-то ещё оживился в строю. – Уже сегодня, – ещё один заговорил в строю, **СДЕЛАВ** уточнение. – Будете стоять до тех пор, пока не придут ваши товарищи, – заявил подполковник. – Какие они нам «товарищи»?! – заявил в ответ голос из строя. – Они ушли – с ними и разбирайтесь! Их и наказывайте! А мы тут причём?! Разве от того, что мы здесь стоим, эти **ДВОЕ** быстрее вернуться?! – ещё кто-то заявил о своём недовольстве происшедшим. – Нам, что, так до утра стоять?! – не выдержал ещё кто-то. – Да. Если нужно, то вы будете стоять до самого утра. – И почему это мы должны стоять?! Кто нарушает – с теми и разбирайтесь! – Вы один коллектив! – заявил подполковник **РАЗДЕЛЁННЫМ** вплоть до **ОТДЕЛЕНИЙ** и не имевшим даже права подавать коллективные письменные заявления, словно никому из них, ни ему самому **НИЧЕГО** не было известно о принципе «**РАЗДЕЛЯЙ** и властвуй». – Какой ещё «коллектив»?! Где вы его видели?! – Вы должны как-то подействовать на них, чтобы они так больше не поступали, – сказал подполковник. – Выходит, вы сами провоцируете нас на ваши «неуставные взаимоотношения»! – ответил ему кто-то из строя. – Ищите другие методы, – в свою очередь ответил подполковник. – Какие у нас могут быть «методы»?! – воскликнул кто-то из строя. – Вам нужно – вы и ищите!! А мы весь день работали и устали, и хотим отдохнуть, а не «методы» искать! – кто-то другой заявил о себе. – Воспитывайте!! – заявил в ответ подполковник, как будто всем могло стать ясно и понятно то, что же именно имел он в виду. Скорее всего, у него самого не было ясного представления о том, что он сказал. – Как?! Кулаками, что ли?! Вот они вернуться, и мы их «воспитаем»! Спать-то теперь можно идти?! Мы уже больше четырёх часов стоим на ногах! – Если вы их не можете воспитать, то как мы сможем это **СДЕЛАТЬ**? Они, скорее всего, только утром вернуться. А мы, что, совсем из-за этого не будем спать?! – Зачем же обязательно бить? **СДЕЛАЙТЕ** так, чтобы такого больше **НЕ ПОВТОРЯЛОСЬ**, – продолжал **УЧИТЬ** подполковник. – Мы обещаем с утра заняться их «воспитанием»!! Спать-то теперь можем идти или нет?! – Да ладно тебе! Перестань... С ним же бесполезно о чём-то говорить. Не ясно, что ли? – сказал один другому в строю. Опять повисло молчание. Все уже устали и от бесплодности своих слов. Когда осталось где-то полтора часа до «подъёма», подполковник отправил строй в казарму, так и не дождавшись тех **ДВОИХ**. А те **ДВОЕ** опоздали даже к «подъёму» и потом узнали о том, что кто на них больше всех разозлился.

Перед началом строительных работ, за быстрое их **ВЫПОЛНЕНИЕ**, были обещаны отпуска домой тем, кому ещё нужно было отслужить год или полгода, и увольнения, чуть ли не на **ВТОРОЙ** день после приказа, тем, для кого срочная служба в армии осенью этого года должна была закончиться. Для **НИКТО** эти обещания выглядели чем-то из области многообразия **ПУСТОГО** звона, и **ОН** не собирался стараться себя чем-то утруждать. В этой военной части, расположенной в Янгиюле, **ЕМУ** не раз приходилось слышать заявления о том, что их строительная рота была набрана из тех, кто оказался как не очень-то и нужным в тех частях, из которых их отправили в это место. А в Керках **ЕМУ** не раз приходилось слышать заявления о том, что людей не хватает, и поэтому одним и тем же сутками приходилось оставаться в нарядах. Эти заявления друг с другом никак не согласовывались. Это же о чём-то говорило. Само по себе происшедшее каждый день тоже не могло о чём-то говорить. И опыт пережи-

того вместе с происходившим каждый день говорил о том, что когда всё будет **СДЕЛАНО** и работавшие после этого перестанут быть нужными, ожидать следует чего-то обратного тем обещаниям, которые сыпались. И ощущение подступавшей **ПУСТОТЫ**, говорило об этом, когда работы стали подходить к завершению, когда командировка на четыре месяца в эту часть в Янгиюле уже заканчивалась, когда большую часть строительной роты после работы стали отвозить в Ташкент. **НИКТО** оказался в числе тех, кого пока оставляли ночевать в этой части. В **ПЕРВЫЙ** же вечер, когда большую часть строительной роты отвезли в Ташкент, замполит **ВТОРОГО** дивизиона позвал **ЕГО** на **ВТОРОЙ** этаж и **ПОКАЗАЛ** на кровать, на которой **НИКТО** мог переночевать. Утром **НИКТО** узнал, что оставшиеся на **ПЕРВОМ** этаже спали без одеял, простыней и наволочек. Им ставшим как уже ненужным, оставили только голые подушки и матрасы. На **ВТОРОЙ** вечер замполиту, которому до остальных не было никакого **ДЕЛА**, пришлось как напомнить **НИКТО** о том, что **ЕМУ** уже нечего **ДЕЛАТЬ** на **ПЕРВОМ** этаже, что **ЕМУ** нужно подниматься на **ВТОРОЙ** этаж. По всей видимости, замполит соби-рался оставить **ЕГО** у себя, во **ВТОРОМ** дивизионе, потому что **НИКТО** оставался ему нужен. **НО НИКТО** отказался подниматься на **ВТОРОЙ** этаж, решив остаться вместе со ставшими какими-то ненужными. Опыта прошлой ночи на **ПЕРВОМ** этаже у **НЕГО** не было, и поэтому **ОН** остался на одном матрасе с **ДВУМЯ** подушками. А те, у кого был уже опыт **ПЕРВОЙ** ночи с одними голыми подушками и матрасами, постарались обзавестись и **ВТОРЫМ** матрасом из оставшихся лишними, чтобы им было чем накрываться. Как только **НИКТО** засыпал, какой-то неотступный и пронизывавший холод начинал прогонять сон. У **НЕГО** никак не получалось заснуть из-за того, что холод пробирался сверху в ничем не накрытое тело. **НИКТО** про-бовал лежать то на спине, то на животе, но заснуть всё равно не получалось. Когда **ОН** стал одной подушкой накрывать ноги, а другой спину, **ЕМУ** удавалось засыпать и оставаться во сне уже дольше. Но **ЕМУ**, всё равно, приходилось просыпался, когда спина начинала мёрзнуть. А спина начинала мёрзнуть из-за того, что **ВТОРАЯ** подушка раз за разом не держалась на ней и сваливалась со неё. **ОНА** и на животе как-то недолго держалась, когда **НИКТО** пробовал заснуть лёжа на спине. **ОН** просто замучился переворачиваться с живота на спину и обратно. В конце концов, **НИКТО** решил встать с кровати, чтобы снять с себя верхнюю часть одежды, разложить её на матрасе так, чтобы можно было лечь на неё спиной и просунуть руки в рукава, и перед этим положить на неё подушку. **ОН** лёг спиной на подушку и постарался продеть руки в рукава, затем застегнулся на те пуговицы, на которые у **НЕГО** получилось это **СДЕЛАТЬ**. **НИКТО** заснул, только закрепив таким образом на спине подушку. Утром **ОН** почувствовал, что не выспался. Наступившим вечером уже и **ЕГО**, и тех, кто ещё оставался, отвезли вме-сте с другими в Ташкент. Утром привезли обратно **ДОДЕЛЫВАТЬ** то, что ещё оставалось **СДЕЛАТЬ**. Ещё пару недель их привозили и увозили. А потом, когда их возвращение было уже ни к чему, **НИКТО** в числе тех, с кем был отправлен из Душанбе, поехал уже в обратную сторону. А в Душанбе перед **ДВУМЯ** шеренгами прибывших из Ташкента какие-то майоры с каким-то удивлением стали выкатывать свои глаза и **ДЕЛАТЬ НЕПОНИМАВШИЕ** лица, когда им сказали, что многим из них были объявлены отпуска за те четыре месяца **НЕЛЁГ-КОЙ** работы, за то, что заливали бетон, укладывали асфальт, выкладывали кирпичи. Как что-то **НЕПОНЯТНОЕ** было для этих майоров и что-то совершенно неожиданное в том, чтобы кого-то из прибывших куда-то отпускать. А ведь, и в самом **ДЕЛЕ**, не за отпусками же их, застёгнутых в солдатскую форму, отправляли в ташкентскую бригаду! Застёгнутым было заявлено, что раз они не занимались в течение этих четырёх месяцев ни боевой, ни политической, ни физической подготовками, то всем им придётся пойти в наряд по столовой. **НИКТО** вместе с одним «отпускником» оказались в посудомойке, в самом трудном месте. После наряда всем было объявлено, что они оставлены на **ВТОРЫЕ** сутки. Вообще-то, после наряда им нужно было дать возможность отдохнуть. В **НИКТО** стала закипать такая злость, от которой **ОН** готов был разорваться. Неизвестно, что могло произойти **ДАЛЬШЕ**, если бы дежурный по столовой,

прапорщик, не стал настаивать на том, чтобы этих **ДВОИХ** обязательно сменили. Напрасно **НИКТО** понадеялся на то, что сможет после наряда отдохнуть. Эту надежду убил старшина. После ужина старшина **ЕГО** и «отпускника» отправил на чистку картофеля. Этот старшина не мог всех знать, потому что личный состав у него в казарме постоянно менялся. Он пользовался тем, что чувство голода само собирало в строй безденежных солдат, когда подходило время «приёма пищи». Безденежными можно **СДЕЛАТЬ** даже **КУЧУ** людей, народ, чтобы **ЛЕГЧЕ** было их поработать. **НИКТО**, оказавшись после наряда на чистке картофеля, решил, что не нужно помогать чувству голода ставить **ЕГО** в строй, тем более тогда, когда старшина назначал наряды.

«Пусть думают, что я уже в наряде.»

Было ясно, что пропускать раз за разом «приём пищи» и не попадаться на глаза какому-то сволочному начальству, долго не получится. Нужно было приложить какие-то усилия для того, чтобы поскорее убраться оттуда и вернуться в батальон, расположенный в Керках. Тех, кто прибыл из ташкентской бригады и оказался в наряде по столовой, оставили там ещё раз на сутки. Вечером **НИКТО** направился к штабу, чтобы подождать там появления командира бригады и обратиться лично к нему. Когда командир бригады вышел из штаба вместе с его **ОКРУЖЕНИЕМ**, **НИКТО** направился прямо к нему. Когда **ОН** обратился к нему и сказал о том, что **ЕГО** привело, у того как-то сразу забегали глазки. Что-то его как насторожило. Ему, скорее всего, прекрасно было известно о том, что твориться в этой части. А начинающий самостоятельно действовать солдат уже мог представлять что-то неуправляемое и непредсказуемое. От этого полковника **НИКТО** узнал, что на следующий день в Керки должна поехать машина с дровами, что с ней и **ОН** сможет уехать, что для этого её нужно будет сначала нагрузить. На следующий день **НИКТО** вместе с «отпускником», которому тоже нужно было отправляться в тот же самый батальон, стали грузить дрова в кузов грузовика. В этом кузове и они как могли поехать. Чем больше они грузили, тем всё более **НЕПОНЯТНЫМ** становилось для него то, что, как же они сами смогут в этом кузове поехать. **НИКТО** решил, что всё же может существовать какой-то неизвестный **ЕМУ** способ, и, когда они закончили работу, спросил у старшего лейтенанта, который должен был поехать главным в этой машине: – А как же мы сможем поехать? – Вы?... Как вы поедете? – удивлённо переспросил тот и сказал. – Поедем только я и шофёр. В кабину же вчетвером не влезешь. А кузов, сам видишь, **ПОЛНЫЙ**.

«Опять нас обманули... Получается так, словно мы сами себе только работу нашли...»

В течение **ДВУХ** дней после этого **НИКТО** старался так убивать время, чтобы не попадаться начальству на глаза. **ОН** решил, что лучше убивать время, которое **ТЯНУЛОСЬ** невыносимо медленно, чем отдавать его какому-то издевательству над собой. Пару раз после того, как «принявшие пищу» уходили строем от столовой, **НИКТО** заходил туда, словно какая-то работа **ЕГО** так могла задержать. Четыре дня назад **ЕМУ** выдали бушлат, потому что уже было достаточно прохладно. И **ЕМУ** не хотелось, чтобы этот бушлат пропал. Когда **НИКТО** заходил в столовую, **ОН** оставлял его в углу у входа, чтобы он оставался в поле **ЕГО** зрения. Когда **НИКТО** на третий день зашёл в столовую после того, все остальные уже закончили «приём пищи» и ушли из неё, какой-то майор, дежуривший по части, **ПРИВЯЗАЛСЯ** к **НЕМУ** из-за бушлата. Этот бушлат **ОН** уже нёс на руках. И повар на этот раз оказался каким-то **ПРАВИЛЬНЫМ**; ему, видите ли, никто не давал распоряжений оставлять «пищу» кому-то ещё из находившихся на каких-то работах. **НИКТО** всё же и на этот раз поел. После того, как **НИКТО** ушёл из столовой, и половины часа не прошло, когда **ЕМУ** сообщили, что старшина **ЕГО** искал. **НИЧЕГО** хорошего в этом не было и не могло быть. Когда **НИКТО** подошёл к казарме, то рядом со старшиной увидел того самого **ПРАВИЛЬНОГО** майора. – Ты в столовую в бушлате зашёл?! Пойдёшь в наряд! – услышал **НИКТО** от старшины. – Это тебя я видел в столовой?! – тут же с такой ядовитостью спросил этот майор, словно продолжал находиться во власти какого-то неудержимого желания как-нибудь нагадить. Похоже, для этих **ДВОИХ**

уже **ВПОЛНЕ** могло быть достаточно дать собаке плохую кличку, чтобы её повесить. -Да, – ответил **НИКТО**. -Вот видишь, какой у меня глаз! Фотографирую!

«Видно некому взять и помять твою поганую фотокарточку...»

НИКТО понимал, что, оказавшись в наряде по столовой, **ОН** останется там на несколько суток.

«А ведь те остальные до сих пор так и остались в наряде по столовой... Как они всё это выдерживают?... Что же мне теперь **ДЕЛАТЬ**?...»

Опасение обмана или ожидание чего-то худшего **УЧАТ** хитрости. **НИКТО** решил сходить в санчасть в надежде отвоевать для себя ещё хоть один день. Там **ОН** сказал, что плохо себя чувствует и что **ЕГО**, несмотря на это, поставили в наряд по столовой. Фельдшер измерил давление. – А у тебя, случайн не повышенное давление? – Нет, – солгал **НИКТО** фельдшеру, который выглядел каким-то **ПРАВИЛЬНЫМ**. А тот, как сомневаясь в чём-то, решил измерить температуру. **НИКТО** же стал стараться покрепче сжать термометр у себя под мышкой, надеясь, что это как-то поможет поднять **ПОКАЗАНИЕ** ртутного столбика. Термометр **ПОКАЗАЛ** «тридцать семь и девять». Может, от ощущения какой-то внутренней воспаленности и какой-то внутренней подорванности температура оказалась такой высокой. -Ты, наверное, простудился. -Наверное. Фельдшер дал выпить какие-то **ДВЕ** таблетки и выписал освобождение от наряда, которое оказалось не нужным, потому что **НИКТО** и «отпускника», который был родом из Молдавии, ночным поездом уже было решено отправить в **ПРЕДЕЛЫ** их батальона. Сопровождавший их сержант поехал в бушлате, а **НИКТО** и «отпускник», раз они были не из этой части, отправлены были без бушлатов, в одном «хэ-бэ». А ночью было очень холодно, и они мёрзли и не выспались. Им мало помогали те матрасы, в которые они старались завернуться.

На следующий день, вечером, **НИКТО** снова оказался внутри той военной части, из которой уехал четыре месяца назад. Выглядела она какой-то безлюдной, но при этом как что-то уплотнившееся висело в воздухе. **КРУГОМ** было чисто. И **НИКТО** поразился тому, что как от самой этой чистоты **ЕМУ** стало как-то жутковато. Тут **ОН** увидел знакомую фигуру, шедшую в **ЕГО** сторону. Она выглядела какой-то бесконечно одинокой. И у шедшего была такая усталая походка, словно за спиной у него была давившая его громада какого-то невыносимого груза. Тот, кто подошёл, остановился рядом с **НИКТО** и спросил у **НЕГО**: – Зачем ты приехал? Пока **НИКТО** пытался подобрать слова для короткого и ясного ответа, **ОН** уже был избавлен от необходимости отвечать на заданный вопрос другим вопросом: – Разве там, где ты был, не было лучше? – Было. – Не мог там остаться? – Мог. -Зря ты сюда приехал. Надо было тебе там остаться... Здесь просто мраки. С утра и до самого вечера какой-то дурдом. В клубе я больше не работаю. Сел на машину. В бригаде один работал киномехаником и почтальоном и «залетел» там с письмами. Его сюда и отправили. Замполит меня вызвал к себе и стал мне предлагать **СДЕЛАТЬ** выбор: или остаться работать киномехаником, или садиться на машину. Я сразу понял, что он так мне предлагает уходить из клуба, чтобы тот занял моё место, и сказал, что мне лучше работать шофёром. Шофёром и в самом **ДЕЛЕ** лучше: меньше в наряды стал ходить. Ну, ладно... Мне нужно идти машину ремонтировать. Я пойду. – Ладно. Иди. В тот день, за пару часов до вечернего «приёма пищи», **НИКТО** заметил троих с «фонарями» под глазами: у **ДВОИХ** синяки были под одним глазом, а у третьего – сразу под **ДВУМЯ**.

«В этом есть даже что-то забавное... Будущее нам обещают только светлое и к нему идти лучше с **ДВУМЯ** „фонарями“ под глазами».

Когда на следующий день, утром, **НИКТО** на строевых занятиях, превратился как в какую-то **МИШЕНЬ** для тех, кого **ОН** запомнил бесшумными, тихими и с погасшими глазами. Для **НЕГО** что-то забавное было в том, что как через какие-то четыре месяца, эти «духи», считавшие себя уже «черпаками», ослеплёнными злобой стали набрасываться на **НЕГО**.

«**ВТОРОЙ** раз я приехал в эту часть, и **ВТОРОЙ** раз меня с самого начала хотят как заклевать... как в каком-то курятнике. Но они же, всё равно, **НЕ ТЯНУТ** до того, какими стараются себя **ПОКАЗЫВАТЬ**».

В столовую опять, как и прежде, каждый раз нужно было идти с песней, которую противно было слышать, которую заставляли петь для того, чтобы она **ПОКАЗЫВАЛА** степень подчинённости и степень сопротивления личного состава. Эту песню нужно было петь с тем же постоянством, с каким нужно было чистить предательски окислявшиеся и темневшие латунные бляхи ремней. Эти бляхи должны были блестеть. И вот однажды, когда батальон зашагал в сторону столовой на обед, песню запели на пару голосов меньше, чем обычно. В строю шло больше тридцати человек, а слышно было где-то семь-восемь голосов. Старшина раз за разом стал возвращать строй обратно. У него, по всей видимости, на этот раз появился особый настрой упражнением и **ПОВТОРЕНИЕМ** добиться того, чтобы сама песня звучала **ПРАВИЛЬНО**. Песня продолжала оставаться всё такой же «жидкой», потому что пели только «молодые». Остальные, большая часть, шли с плотно сжатыми губами и время от времени били в спины «духов», чтобы те пели раза в **ДВА** громче, с **УДВОЕННОЙ** силой, и за себя, и за бивших их в спину.

«Это какое-то сплошное издевательство!... Сколько можно так ходить: **КРУГОМ** да **КРУГОМ!**»

И **НИКТО** шёл молча. Но **ОН** никого не собирался заставлять петь песню. И **ОН** решил помочь строю дойти всё же до столовой. И **ОН** стал изо всех сил орать, выкрикивая слова песни, только увеличивая какое-то безумие. И усилия, которые **ОН** стал прилагать, всё равно, раз за разом оказывались какими-то тщетными и напрасными. У **НЕГО** уже стало болеть горло, а до столовой батальон так и не доходил. Уже стало сильно начинать надоедать то, что происходило.

– Сколько можно туда-сюда ходить?! – вспыхнул **НИКТО**, когда строй в очередной раз вернулся назад и остановился в ожидании команды старшины зашагать в сторону столовой, и со злостью обратился к стоявшему рядом. – Эй, ты! Тебе трудно немного покричать?! Ты, что, забыл как недавно тебе приходилось петь? – **Я НИЧЕГО** не забыл... – проговорил отслуживший год, и **НИКТО** заметил по его лицу, как память выхватила его, вынесла и как утопила в горечь недавнего прошлого, когда этот несчастный был больше похож на какой-то оживший стон. И **НИКТО** отступил перед этим. И **ОН** сам решил замолчать и не лезть в происходившее. До столовой было **ДВА** шага ходьбы, но хождение строем в ту сторону и обратно продолжалось больше получаса. Пели только «молодые», которых только больше погружали в ад бессилия и бесправия. А уже накопившие в себе адский груз продолжали идти молча. Этому старшине, который решил добиваться своего, только продлевал ад. И в этом аду в хуже всего было «молодым». Но этому старшине не под силу оказалось сдвинуть тот груз, который носили в себе остальные. Туда и сюда ходили до тех пор, пока сам старшина не устал. До столовой батальон дошёл со всё той же «жидкой» песней. Когда наступило время переходить на «зимнюю форму одежды», старшина построил батальон перед штабом и стал собирать с голов личного состава в один мешок панамы с какой-то торопливостью. Затем он с ещё большей торопливостью стал вытаскивать из другого мешка и всучивать каждому в руки по одной зимней шапке-ушанке. Он как собирался **СДЕЛАТЬ** это и закончить до того, как стоявшие в строю успеют разглядеть то, что же оказалось у них в руках и что они будут должны носить на своих головах. Это были не те шапки, которые сдавали старшине, а какие-то другие, старые и мятые, утратившие не только свою форму, но местами и сам цвет. Всё же возмущение шапками оказалось неизбежным. Оно пронеслось по **ДВУМ** шеренгам и улеглось, потому что ясно было, что и тут **НИЧЕГО** против этого **СДЕЛАТЬ** не получится. И ни один из тех **ПРАВИЛЬНЫХ**, которые отличались такой остротой зрения, которая позволяла им сразу замечать и не застѣгнутую у кого-то пуговицу, и не подшитый подворотничок, который остался чистым и не подшивался

накануне вечером (подворотничок как должен был быть обязательно «свежим»), и не начищенную до блеска бляху на ремне, и даже то, что насколько этот ремень с бляхой стал у кого-то свободнее держаться на поясе, как не заметил ни в тот день, ни в последующие дни того, что стал носить на головах **ЦЕЛЫЙ** батальон.

Когда на **НИКТО** обрушилось известие о землетрясении в Армении, прошло год и почти **ДВЕ** недели с того дня, как **ЕГО** забрали на службу в армии. **ОН** на всякий случай написал короткое письмо отцу и поспешил на почту, чтобы отправить телеграмму. Чтобы **НЕ ДЕЛАТЬ КРУГ** через КПП, **ОН** пошёл к столовой, за которой можно было перелезть через стену. А у столовой сидели на скамейке повар-«дембель» и «дед», приехавший из одной «точки», которая подчинялась батальону, за продуктами. «Дед» утверждал, что ему побить одного «молодого» повара как **ДВА** раза плюнуть. А «дембель» настаивал на том, что он не сможет это **СДЕЛАТЬ**, заметив проходившего мимо **НИКТО**, он взял и подозвал **ЕГО**, чтобы одна из споривших сторон смогла, наконец-то, перевесить другую. «Дед» **ВПОЛНЕ** мог побить «молодого» повара. Он был покрупнее и внешне выглядел сильнее. **НИКТО** сказал, что исход драки зависит от **КУЧИ** разных вещей и может оказаться совершенно неожиданным. – Что ты меня **УЧИШЬ**?! – выпалил «дед». – **Я НЕ УЧУ**, а яснее... – начал было отвечать **НИКТО**, но «дед» вскочил со скамейки и перебил **ЕГО** ударом кулака по лицу. Он сразу после этого встал в боксёрскую стойку.

«Этого мне ещё не хватало...»

«Дед» стоял спиной к штабу и не мог видеть того, как оттуда вышла **КУЧА** майоров, капитанов, старших лейтенантов, которую **НИКТО** увидел и это стало мешать **ЕМУ** ответить ударом на удар. **ЕМУ** не хотелось лишний раз оказаться как в чём-то запятнанным для каких-то **ПРАВИЛЬНЫХ**. Тут как раз мимо них проходили **ДВА** «дембеля», у которых напоследок, в «аккорде», выжимали силов на **ОТДЕЛОЧНЫХ** работах в этом штабе. Один из них обратился на ходу «деду»: – Что ты с ним здесь возишься?! Посмотри, какая **КУЧА** вывалилась из штаба! Отведи его за столовую и там с ним разберись! – Пошли! – **ДЕЛОВИТО** командовал «дед», обращаясь к **НИКТО**, и зашагал за столовую. Он был очень доволен тем, что даже сумел обратить на себя внимание. И **НИКТО** с письмом в конверте молча **ПОТЯНУЛСЯ** следом за ним. За столовой несколько человек работали над сливным устройством. – Пошли к туалету! – позвал за собой «дед», повернув в правую от столовой сторону. Когда они пришли на место, «дед» сразу встал в боксёрскую стойку и успел нанести пару ударов по лицу **НИКТО**. Тут **НИКТО** как взорвался. Со всей силой разгоревшейся злости **ОН** стал удар за ударом снизу-вверх по голове «деда», стараясь бить как можно чаще. Удары были такие сильные, что создавалось такое впечатление, что шея стала служить «деду» лишь для того, чтобы не дать болтавшейся из стороны в сторону его голове оторваться от тела. Руки «деда», который не выдержал такого натиска, повисли. Он бросился вперёд и обхватил руками **НИКТО** и сильно прижался к **НЕМУ**. **НИКТО** же упёрся руками в подчелюстную область головы своего противника и стал отрывать его от себя, чтобы получить необходимое для нанесения ударов пространство. От очередного града ударов «дед» повернулся, чтобы убежать, но **НИКТО** успел схватить его сзади рукой за одежду на спине и **ПОДТЯНУТЬ** к себе, после чего снова стал бить согнувшегося уже от боли по спине, по голове, по бокам. – Всё-о!! Всё! – закричал «дед». **НИКТО** ещё **ДВА** раза врезал ему, чтобы закрепить свою победу. – Всё-о!!...Хватит! – стал просить «дед», и **НИКТО** отпустил его и тут же почувствовал какое-то жжение на своей вспотевшей коже. **ОН** подобрал конверт, который пришлось выронить, и они **ВДВОЁМ** пошли к умывальнику. – Ну, что же... ты оказался сильнее. Но мы найдём другие методы. – Ищите, – ответил «деду» **НИКТО** и вышел из умывальника. На почте **ЕМУ** сказали, что с зоной бедствия нет совсем никакой **СВЯЗИ**. **ОН** отдал письмо, раз не получалось дать телеграмму, и вернулся обратно в часть. Хорошо, что у **НЕГО** с лицом всё было более-менее в порядке, и **ОН** смог выбраться из части и пойти на почту. Когда **НИКТО** вернулся в батальон, **ОН** обратил внимание на то,

что «дед» всё так же продолжал сидеть на той скамейке у столовой как ни в чём не бывало. Он сидел один. Через минут **ДВАДЦАТЬ НИКТО** вышел из клуба и снова посмотрел в сторону столовой. «Дед» уже сидел в кабине того грузовика, на котором приехал за продуктами.

«У него уже лицо распухло, и он решил спрятаться в кабине грузовика и **СДЕЛАТЬ** вид, словно **НИЧЕГО** не произошло...»

Вскоре пришло распоряжение отправить **НИКТО** в отпуск из-за произошедшего землетрясения.

«Как же я смогу поехать в такую даль в такой шапке?...»

НИКТО стал собираться в дорогу. «Молодой» повар из Узбекистана, тот, из-за которого заспорили между собой «дембель» и «дед», дал **ЕМУ** десять рублей, как на всякий случай. А один безобидный парень из Москвы, он был одного призыва с **НИКТО**, молча подошёл снял с головы **НИКТО** шапку, чтобы заменить её шапкой со своей головы, которая внешне выглядела намного лучше. Этих **ДВОИХ** никто **НЕ УЧИЛ** поступить так. К тому же, все уже думали, что **НИКТО** может не вернуться, что **ЕГО** могут оставить восстанавливать разрушенный город. Вечером на станции Керкичи **НИКТО** в ответ на выданное **ЕМУ** «воинское требование» получил билет на поезд. Что-то **ОН** часов не смог обнаружить на этой станции, чтобы более-менее ориентироваться во времени. Трудно найти то, чего нет. Может часы где-то и были, но ощущение какой-то внутренней подорванности стало как мешать **НИКТО** прилагать лишние усилия для их поиска. Поезда хоть так хоть этак нужно было дожидаться. **НИКТО** сел на скамейку, которая находилась на равном удалении и от вокзала, и от проходивших рядом железных дорог, и сосредоточился на ожидании поезда. **ПЕРВЫЙ** поезд, который появился, оказалось, направлялся в противоположную сторону. Значит, нужно было дожидаться поезда, который шёл в другую сторону. **НИКТО** снова застыл на скамейке в ожидании поезда. Уже в наступившей темноте подошёл другой поезд, который направлялся уже в нужную **ЕМУ** сторону. – Это билет не на наш поезд. Твой поезд был до нас, – сказал проводник того вагона, к которому **ОН** подошёл. – Не на ваш?! **НИКТО** побежал к вокзалу, к той кассе, в которой получил билет. – Это билет не на их поезд! – А что ж ты не поехал?! Что я сейчас могу **СДЕЛАТЬ**? Происходило что-то **НЕПОНЯТНОЕ**.

«Как же могло такое произойти?! Никаких поездов больше не было. Как же я мог пропустить **ЦЕЛЫЙ** поезд?!...»

НИКТО от кассы **ПОТЯНУЛО** к поезду. – Возьмите меня до Душанбе. Мне нужно в Армению. – В Армению? – переспросил пожилой проводник и продолжил, как напоминая что-то самому себе. – Армянам нужно помогать... Заходи! Поехали. В душанбинской бригаде **НИКТО** выдали необходимые бумаги и деньги на дорогу до Армении. Было уже совсем темно, когда **НИКТО** вернулся на душанбинский вокзал, у которого уже стоял какой-то поезд. Для женщины, которая сидела в кассе, «воинское требование», **ПРОТЯНУТОЕ** ей **НИКТО**, как вызвало какое-то для неё затруднение, и она попросила подождать минут пятнадцать, чтобы как решить вопрос с получением для **НЕГО** билета на поезд. **НИКТО** остался стоять у кассы. **ЕМУ** опять пришлось сосредоточиться на ожидании. **ОН** обратил внимание на **ДВУХ** офицеров, которые находились у стоявшего рядом с вокзалом поезда. **ЕГО ПОТЯНУЛО** в тягостные раздумья, которые опустили **ЕМУ** голову. – Куда едем, товарищ рядовой?! – с какой-то отвратительной **ПРАВИЛЬНОСТЬЮ** спросил **ЕГО** старший лейтенант, который подошел к **НЕМУ** сзади. **НИКТО** развернулся, но **НИЧЕГО** не ответил, только со злостью посмотрел на того, кто как пристал к **НЕМУ** со своим вопросом. И эта злость сдавила **ЕМУ** горло. **НИКТО** уже не раз приходилось **ВЫПОЛНЯТЬ** с разгоревшейся злостью то, чего как не получалось оставлять незаконченным, когда накопившаяся усталость начинала мешать что-то **ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ**. Злость часто помогала что-то начатое завершать. – Ваши документы!! – потребовал старший лейтенант.

НИКТО со злостью расстегнул шинель и так вырвал документы из внутреннего кармана, что не удержал их. Они упали на пол. Как назло, пришлось ещё и наклоняться, чтобы их поднять и отдать. – Чем Вы не довольны? – продолжал **ТЯНУТЬ** из НЕГО старший лейтенант. Этот вопрос настолько часто приходилось слышать НИКТО за год службы в армии, что он становился всё более и более ненавистным ЕМУ вместе с теми, кто его **ПОВТОРЯЛ**. – Жизнью... – выдал через сдавленное горло НИКТО. – Ну, я тебе **ПОКАЖУ** «жизнь»!! – заявил этот старший лейтенант. Он повернулся и ушёл, забрав с собой документы.

«Этого мне только не хватало... Это какое-то сплошное издевательство...»

Тут НИКТО обратил внимание на какие-то неразборчивые слова какого-то голоса и торопливый стук по стеклу. ОН развернулся и **ПОТЯНУЛСЯ** к кассе. – Вот билет. Можешь садиться вот в этот поезд, – сказала ему кассирша.

«В этот поезд?!... Он же сейчас может поехать! Куда я поеду без документов?!... Неужели я опять не смогу уехать?!... Что же **ДЕЛАТЬ**?!...»

Отчаяние просто захлестнуло НИКТО. ОН увидел, что у поезда остался стоять только один военный. Он же мог знать, куда ушёл другой. НИКТО побежал к нему. – То... варищ подпол... ков... ник! С Вами сейчас стоял старший лей... тенант!... Не скажете, куда он ушёл! – Комендант, что ли? – Да, – ответил НИКТО, сообразив, что старший лейтенант мог быть комендантом. – Он в комендатуре. – А где она находится? – Она с другой стороны вокзала. НИКТО изо всех сил бросился бежать через вокзал. С другой стороны вокзал и привокзальная площадь оказались совершенно безлюдными. В какую сторону **ДАЛЬШЕ** бежать НИКТО не знал и спросить ЕМУ об этом было не у кого. ОН побежал назад. – То... ва... рищ под... пол... ковник... я не могу... её найти!... Где она?! – Она сразу направо как выйдешь из вокзала.

«Поезд же сейчас уйдёт!! Уйдёт же!!!»

НИКТО опять изо всех сил побежал на другую сторону вокзала.

«Неужели и на этот раз этот билет окажется как ненужным?! Это уже во **ВТОРОЙ** раз!!! Неужели я не смогу уехать?!...»

Перед ЕГО мысленным взором всё время **ПОКАЗЫВАЛСЯ** уходивший без НЕГО поезд, до которого уже было или не добежать, или же его уже совсем не было на рельсах, там, где он стоял. Выбежав из вокзала с другой стороны, НИКТО сразу бросился направо. Когда ОН увидел какой-то тёмный подъезд, сразу забежал в него. Там ОН увидел едва различимые в темноте двери справа и слева от себя вдоль одной и другой стены. ОН толкнул одну дверь – она оказалась запертой. Толкнул другую – тоже заперта. В третью НИКТО, чувствовавший себя уже оказавшимся в каком-то кошмаре, уже ударил кулаком. В четвёртую ударил ещё сильнее. НИКТО перебежал от двери к двери, и разгоравшаяся с новой силой злость помогла ему наносить удары кулаком, чтобы открылась, наконец, хоть одна. Ни одна дверь не открылась. Все двери оказались запертыми. Перед мысленным взором всё настойчивее **ПОКАЗЫВАЛСЯ** уходивший без НЕГО поезд. ЕГО воображение всё настойчивее **ПОКАЗЫВАЛО** как ОН бежит за набирающим ход поездом и как ОН, всё равно, не успевает его догнать. Из тёмной глубины коридора НИКТО побежал в обратную сторону. Заметив лестницу на **ВТОРОЙ** этаж, ОН бросился бежать по ней вверх. На **ВТОРОМ** этаже ОН различил такие же двери, какие были на **ПЕРВОМ**, и стал перебегать от одной к другой, нанося по ним удары кулаком. И вот последняя, та, что оказалась прямо перед ним, а не справа или слева от НЕГО в глубине коридора, с силой распахнулась от ЕГО удара. Свет ударил ЕМУ в лицо и ослепил ЕГО, но ОН различил кого-то, кто находился от НЕГО за стойкой. – Поезд уже уходит!!! – закричал НИКТО вбегая в ту комнату. Заметив торопливое движение, ОН различил перед собой **ПРОТЯНУТЫЕ** ЕМУ ЕГО документы. ОН схватил их и сразу бросился бежать в обратную сторону. Тут ЕГО отчаяние стало обостряться до самой крайней степени из-за всё тех же опасений, что ЕМУ, всё равно, придётся увидеть поезд, который уже не получится ЕМУ догнать или увидеть. его совсем. « Я не успею... Не успею... Я, всё равно, не успею... Всё как назло... как нарочно...»

Забежав в вокзал, ОН увидел через большие окна с другой его стороны, что поезд всё ещё стоял. «Неужели именно сейчас, как нарочно, поезд тронется с места?! Я же не успею его догнать!!!...»

Перед ЕГО мысленным взором раз за разом стало проноситься то, как ОН из последних сил бежит за набиравшими скорость вагонами и, всё равно, не успевает их догнать. Но ОН всё-таки успел добежать до нужного вагона. Когда ОН забежал в вагон, дошёл, борясь с предательской усталостью, до места, на которое у НЕГО был билет, то сел на него уже совершенно обессиленным. И в ту же минуту поезд тронулся с места. В Бухаре была пересадка. Другого поезда нужно было ждать часов восемь. Время стало **ТЯНУТЬСЯ** мучительно долго, когда НИКТО оставался сидеть на одном и том же месте на вокзале. ОН решил выйти походить где-то снаружи. Уже начинало темнеть, когда какие-то ребята, провожавшие своих друзей-приятелей на службу в армию, увидели ЕГО и подошли к НЕМУ с обычными вопросами, которые задавались солдатам. **ДВОЕ** из подошедших вскоре отошли, и затем вернулись с большим кулком печенья и с **ДВУМЯ** бутылками лимонада. Всё это они с такой настойчивостью предлагали взять НИКТО, что нехорошо было отказать. До прибытия поезда оставалось ещё где-то больше трёх часов, и НИКТО, устав ходить с места на место, решил посидеть на вокзале. Там недалеко от себя ОН заметил **КУЧКУ** «дембелей». Сидя на скамье, согнувшись, ОН незаметно для себя уснул, но ненадолго. Когда НИКТО проснулся, то ни печенья, ни бутылки с лимонадом уже не увидел. ОН догадался, что кто мог это **СДЕЛАТЬ**, видимо, посчитав, что так будет **ПРАВИЛЬНЕЕ**. В поезде к НЕМУ привязался один земляк, который, по его словам, отслужил **ДВА** года в Афганистане и ехал домой. Какие-то его сослуживцы плохо с ним поступили, и он остался с **ПУСТЫМИ** карманами. Он раз за разом начинал **ПОВТОРЯТЬ** одно и то же, про то, что когда они приедут в Ереван, то сначала обязательно поедут к нему домой, чтобы посидеть за столом, на котором будет **ПОЛНОЕ** изобилие разной еды, а уже потом самого НИКТО на такси отвезут до автостанции, где ЕМУ даже и билет купят на дорогу до Ленинакана. НИКТО устал всё это слушать, и раз за разом ЕМУ приходилось **ПОВТОРЯТЬ**, что ЕМУ лучше нигде не задерживаться и сразу с вокзала поехать в нужную ЕМУ сторону. Когда они приехали в Красноводск, **ДАЛЬШЕ** им уже нужно было плыть на пароме через Кайспийское море. В Баку они приплыли ночью. В городе был комендантский час. Всех пассажиров парома забрал один большой автобус, который поехал к железнодорожному вокзалу. По пути на вокзал этот автобус один раз остановился у какого-то поста с военными. Эти военные потребовали, чтобы из автобуса вышли только застёгнутые в солдатскую форму. Таких оказалось человек восемь. Их спросили о том, что везёт ли кто из них что-то запрещённое, и как поверили всем на слово, получив только отрицательные ответы. Всем, кто вышел из автобуса, предложили снова зайти в автобус и ехать **ДАЛЬШЕ**. Когда подъехали к вокзалу, то подойти к нему можно было только через уже другой пост с военными. На этом посту самым главным оказался один лейтенант. Все темноволосые гражданские и застёгнутые в солдатскую форму темноволосые благополучно прошли мимо него. Никого из них он даже не попытался как-то задержать. Но, видимо, ему всё же хотелось обязательно себя **ПОКАЗАТЬ** и найти для этого подходящую живую **МИШЕНЬ**. И для роли этой **МИШЕНИ** он взял и остановил НИКТО. Сначала он потребовал предъявить ему документы. НИКТО расстегнул шинель, вытащил из внутреннего кармана документы и отдал их. Тот как-будто погрузился в их изучение, но, на самом **ДЕЛЕ**, просто **СДЕЛАЛ** такую паузу, чтобы затем взять и рявкнуть. – А ну-ка, заправьтесь, товарищ солдат!!! А то я сейчас посажу на пять суток за нарушение формы одежды!

«Вот скотина!... Нашёл над кем поупражняться...»

НИКТО послушно застегнулся и решил, что лучше ещё раз растегнуться и застегнуться, когда получит свои документы обратно, чем давать этой сволочи лишнюю причину упражняться **ДАЛЬШЕ**. На лице **ПРАВИЛЬНОГО** лейтенана **РАСТЯНУЛАСЬ** гадкая самодовольная улыбка. Он даже не смог удержаться от того, чтобы не бросить взгляд в сторону сто-

явших рядом **ДВУХ** сержантов, насмешливо наблюдавших за происходившим. Для него же было важным увидеть своими довольно заблестевшими глазёнками то, что каким же молодцом они его оценивали. Но он, видимо, был в особом настроении **ПОКАЗАТЬ** то, что он **ЛЕГКО** он может позволить себе **СДЕЛАТЬ**. -А ну-ка, выкладывай, что везёшь! **НИКТО** пришлось вытаскивать из вещь-мешка как какие-то **МИШЕНИ** для насмешливых оценок и потом всё укладывать опять обратно. Получив обратно документы, **ОН** получил возможность уйти. Когда они приехали в Ереван, когда они вышли на привокзальную площадь, привязавшийся к **НЕМУ** земляк вдруг бросился куда-то бежать. Этому земляку просто **ЛЕГЧЕ** было бросить **НИКТО** и убежать.

В начале **ПЕРВОГО** зимнего месяца, как **ПРАВИЛО**, с неба мог идти только снег, но никак не дождь. Но шестого декабря, накануне землетрясения, на землю с неба пролился дождь. Утром город утонул в толще очень густого тумана. В домах появились и разлетались большие чёрные мухи. Эти мухи почувствовали какое-то тепло. Но это тепло было не весеннее. На заводе у отца с работой что-то не ладилось. Не дождавшись нужных ему резцов, он на час раньше обычного ушёл на обеденный перерыв и поднялся на **ВТОРОЙ** этаж общежития в ту комнату, которую занимал. Через какое-то время он обратил внимание на то, что за окном как-то необычно зашумели галки. Они **КУЧЕЙ** опускались на ветви плакучей ивы и, едва коснувшись их лапками, с криками все вместе взлетали. Это **ПОВТОРЯЛОСЬ** опять и опять. И воробьи вели себя точно так же. И как-то **НЕПОНЯТНО** стало, что и крыс, которые обычно кишмя кишели среди сваленных в **КУЧИ** сухих веток и прочего садового мусора, не было видно. Какое-то предчувствие заставило и отца в одних носках вскочить на подоконник, чтобы затем, соскочив с него на площадку от балкона, добраться до ветвей растущей рядом ивы и по ней спуститься на землю. Так намного быстрее можно было выбраться из дома. Но отец даже не успел соскочить с подоконника на площадку, которая находилась снаружи под окном, когда началось землетрясение. **ПЕРВЫЕ** толчки били снизу вверх, и лицо земли пошло волнами. И деревья, и столбы закачались, поднимаясь и опускаясь, на этих волнах. И дом стал ходить ходуном. Отец только крепче руками вцепился в оконную раму. Он только это и смог **СДЕЛАТЬ**. Он хотел криком обратить внимание на происходившее, но не смог выдать из себя ни звука. Он словно потерял дар речи. Он уставился на камни, из которых был сложен **ДВУХЭТАЖНЫЙ** дом. Они словно пилили друг друга, и словно кто-то стал выдувать пыль оттуда, где их **РАЗДЕЛЯЛ** известковый раствором. Неожиданно всё замерло. Отец заметил, что скованность в его теле пршла, и он сразу спрыгнул на площадку под окном и добрался до ветвей плакучей ивы. Тут он уже с дерева не смог спуститься вниз, потому что земля с такой страшной силой задергалась из стороны в сторону, словно ей нужно стало просеять через себя всё то, что находилось на её поверхности. Отец увидел, как обрушился сборочный цех завода. Тут же обрушилась сразу и швейная фабрика располагавшаяся за шоссе и железными дорогами. Со всех сторон стали подниматься тучи пыли. По всему городу стали с грохотом рушиться многоэтажные дома. Над всем городом выросло огромное облако пыли. Камни падали на тех, кто не успел отбежать **ПОДАЛЬШЕ** от разрушавшихся домов. Бетонные плиты перекрытий падали на тех, кто находился под ними. Когда эти плиты сползали по другим, они растирали человеческие тела. Кто успел отбежать **ПОДАЛЬШЕ** и не стал держаться за ствол дерева или за какую-нибудь ограду, не в силах были устоять на ногах и падали на землю, скрываясь тучах пыли. Небо страшно ревело. И сплошные облака, которые **ЗАТЯГИВАЛИ** его, очень быстро рассеялись. И от непроглядного тумана не осталось и следа. **ПОКАЗАЛОСЬ** солнце. Всё небо окрасилось в красный цвет заката.

По стене **ДВУХЭТАЖНОГО** общежития пошла трещина, и стена, опасно шатаясь, стала **ОТДЕЛЯТЬСЯ** от дома и грозила упасть в ту сторону, где отец качался на ветвях ивы. Стена всё же устояла. И когда земля успокоилась, отец спустился с дерева. И земля оказалась какой-то удивительно мягкой под босыми ногами. Отец заметил, что его ноги погрузались

в неё на каждом шагу как на пару сантиметров. Он решил подняться на **ВТОРОЙ** этаж через подъезд, чтобы обуться. Потом он направился вдоль шоссе в ту сторону, где жил один из его братьев, чтобы посмотреть, что случилось с ним и его детьми, и посмотреть на то, что насколько сильно разрушился город. Его брат он сидел с босыми ногами рядом с дорогой и заливался горькими слезами. Одет был он лишь в то, в чём успел выбежать из **ПЕРВОГО** этажа рухнувшего девятиэтажного здания. К шоссе стали выходить **ПЕРВЫЕ** раненные. Одни шли сами, другим помогали идти. У одних были переломы рук, у других – ног. Одни были сильно окровавленными, другие меньше. Машины, которые не остановились, чтобы отвезти раненных в больницу, так сильно разозлили тех, кто спешил дойти до дороги, что в другие машины уже полетели камни. И если те **ЛЕГКОВЫЕ** машины, которые как не собирались останавливаться, останавливались из-за разбитых стёкол, то на тех, кто выходил из этих машин, набрасывались с кулаками, а сами машины переворачивали. Но куда кого-то из раненных можно было донести? И больницы были разрушены, и дороги были местами засыпаны обломками рухнувших зданий. И там, где уже невозможно было проехать, машины останавливались в длинных пробках. Отцу пришлось спать у костра в течение пяти ночей. Он всё это время не снимал обувь. Когда он разулся, то обнаружилось, что у него ноги сильно распухли. После произошедшего землетрясения **УЦЕЛЕВШИЕ** стали бояться оставаться в тех домах, которые устояли. И ночевали **ОНИ** у костров. В мёртвой тишине **ПЕРВОЙ** тёмной-претёмной ночи отец услышал доносившиеся из под развалин швейной фабрики крики о помощи. Он поднялся, перешёл на ту сторону шоссе, поднялся на железнодорожную насыпь и остановился. Что он мог **СДЕЛАТЬ**? Что он мог **СДЕЛАТЬ** для оказавшихся в холодном плену? Как он мог добраться до задавленных, но ещё живых людей? Постояв, он повернул в обратную сторону и вернулся к костру. Уже на **ВТОРОЙ** день после землетрясения начались грабежи. Несколько мародёров было расстреляно на месте без суда и следствия. Пыльные изуродованные тела погибших, которые были извлечены из-под развалин, лучше было не оставлять без присмотра, если на пальцах были золотые кольца, а на мочках ушей оставались золотые серьги. Находились такие, которым хватало нескольких минут, чтобы отрезать пальцы с кольцами, вырвать серьги, разорвав мочки ушей. В **ПЕРВЫЕ** дни тела погибших хоронили без гробов. Тела хоронили, заворачивая их в ковры или отрезок какой-нибудь ткани. Это уже потом в город привезли очень много гробов, которые **КРУГОМ** раскладывали **КУЧАМИ**. Когда в разных местах уже лежали **КУЧИ** гробов, на центральной площади города **КРУГОМ** валялся брошенный хлеб. И так много было этого хлеба, который выкинули и бросили, что из него можно было собрать **ЦЕЛЮЮ КУЧУ** хлеба. Почему так много было брошенного хлеба? Потому что много было таких, кто хватал его с лотков только для того, чтобы один-два раза откусить, а остальное выбросить. И сметану можно было увидеть, которую выбрасывали ящиками, потому что хватало таких, кто старался брать не по одной или **ДВЕ** баночки, или три, или четыре баночки, а сразу ящик сметаны, или сразу **ДВА** ящика.

Когда с разных мест стала поступать помощь, и из Душанбе прибыли для оказания помощи **ДВА**-три десятка человек, работавших в одной из автоколонн. Они расположились в своих палатках на другой стороне дороги от общежития, на полосе между шоссе и железными дорогами. И отца позвали перебраться в одну из тех палаток. Палатки были **СДЕЛАНЫ** из толстого войлока, который держался на деревянном каркасе. Снаружи эти палатки были покрыты брезентом. Отец с трудом снял обувь со своих ног. Пять суток он не снимал её, и они сильно распухли. Когда отец приютился в палатке, он обратил внимание на один грузовик. Заводские ворота поздно ночью открывались, и этот грузовик, как по какой-то «тревоге», несколько раз выезжал, куда-то уезжал, возвращался, чтобы снова куда-то уехать. Всю ночь этот грузовик куда-то уезжал. Вскоре выяснилось, что это **ПРАВИЛЬНЫЕ** из **ПРАВИЛЬНЫХ** втайне от остальных под покровом ночи вскрыли контейнеры, отправленные из Чехословакии. Это коробки с чешским сервизом грузились и вывозились с территории завода, чтобы **НАПОЛ-**

НИТЬ им свои устоявшие одно- или **ДВУХЭТАЖНЫЕ** дома. До простых людей содержимое заграничных контейнеров, большей частью, не доходило. Хорошо наживаться можно там, где есть в наличии чьи-то беды. Есть такое **ПРАВИЛО**. Отец обратил внимание и на то, что уже с раннего утра в сторону города начинали двигаться какие-то людишки. Когда наступал вечер, эти же людишки шли уже в обратную сторону чем-то нагруженными. С каждым разом они всё больше становились похожими на муравьёв. Кто-то потерял крышу над головой, всё своё имущество, родных и близких ему людей, а у кого-то из живших на окраине города с одноэтажными домами или в близлежащих сёлах, нашлось столько места, чтобы туда можно было что-то таскать и таскать. **НИКТО** почти месяц провёл у отца в палатке. Никто из родственников **НИКТО** не погиб. ЕМУ много раз задавался этот вопрос о том, что погиб ли кто из ЕГО близких, из ЕГО родственников, когда ОН встречался со знакомыми ЕМУ людьми. ЕМУ нужно было возвращаться под армейский гнёт. И ЕМУ было тяжело.

– Ну что, уже построил город?! – спросили **ДВА** офицера батальона у **НИКТО**. Они улыбались при этом. В ЕГО возвращении они словно нашли что-то забавное. **НИКТО** молча прошёл мимо них. ОН не собирался искать какие-то слова, чтобы им хоть что-то ответить. ОН в тот же день вернул те десять рублей и ту шапку. Уже на следующий день ЕМУ стало ясно, что ЕГО **УДЕЛОМ** опять стали наряды. Замполита не было. Он как раз ушёл в отпуск на месяц. **НИКТО** понял, что ЕМУ нужно быть готовым переносить многосуточные наряды. ОН почувствовал, что вес уже пережитого и толща того, что ещё оставалось вынести, стали давить на НЕГО ещё сильнее. Печальные мысли лезли ЕМУ в голову. И ЕМУ опять и опять приходилось каждый раз, когда ОН снова и снова оказывался в наряде, **ОТЯГОЩАТЬ** себя зыбкой надеждой на то, что ЕГО на этот раз, быть может, не оставят на **ВТОРЫЕ** сутки. Но эту надежду каждый раз всё равно убивали. **НЕ ЛЕГЧЕ** ЕМУ было и в те **ДВА**-три дня, когда ОН оставался свободен от нарядов. Уже с самого утра ЕГО начинала давить **НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ** того, что какую именно **ДЫРУ** вздумается кому-то **ИМ** заткнуть. От одного того, что **ПОВТОРЯЛОСЬ** и **ПОВТОРЯЛОСЬ** одно и то же, от самого ожидания того, что опять должно было **ПОВТОРИТЬСЯ**, в НЁМ продолжала расти какая-то усталость. И чем **ДАЛЬШЕ**, тем само ожидание того, что опять должно было **ПОВТОРИТЬСЯ**, превращалось в какое-то наказание. И ЕМУ тем больше приходилось собираться с оставшимися силами, чтобы выдержать ближайший час. И собственная беспомощность избавить себя от установленного **ПРАВИЛЬНОГО** порядка угнетала ЕГО и начинала выводить из себя. И выводило ЕГО из себя и то, что обвинять и судить за то, что кто-то попробует **СДЕЛАТЬ** что-то против, всё равно будут **ПРАВИЛЬНЫЕ**. В **НИКТО** от раза к разу всё сильнее начинали буйствовать возмущённые жизненные силы, и всё выше поднимался в НЁМ центр тяжести этого возмущения. **НИКТО** становился всё более и более раздражительным, более и более воспалённым.

Оказавшись в наряде по столовой, ОН заметил, что там ЕМУ **ЛЕГЧЕ**. Там **НЕ ПОКАЗЫВАЛИ**, что за что же оставляли ЕГО на **ВТОРЫЕ** сутки, потом ещё на сутки, потом ещё и ещё. И в тёплой столовой была одна **ОПРЕДЕЛЁННАЯ** работа. Там можно было оставаться в стороне от поганого старшины и ему подобных, в стороне от утренних зарядок, которые удерживали в том напряжении, которое только отнимало силы, в стороне от «утренних осмотров», на которых ОН чувствовал себя **МИШЕНЬЮ** для придирчивых глаз, в стороне от «подъёмов» и «отбоев», от шаганий в столовую с песней, в стороне от нескольких контрольных построений за день, на которых раз за разом пытались выявить тех, кто мог находиться в самоволке, тех, кому хотелось побыть в стороне от всего, что творилось за стенами этой части, тех, кому хотелось ненадолго выбраться из неё, из под гнёта всей её **ПРАВИЛЬНОСТИ** и дать себе передышку. Но всей этой **ПРАВИЛЬНОСТИ**, почему-то, как не хватало на то, чтобы зимой в казарме было тепло. Всем спавшим в казарме приходилось накрываться ещё и шинелями, потому что холод начинал мешать заснуть и выспаться. А по утрам как-то не получалось сразу срываться в холод из-под одеял и шинелей так, чтобы улечься в **ПРАВИЛЬНОЕ** время. Тут

уже команды «подъём» и «отбой» начинали **ПОВТОРЯТЬСЯ** и **ПОВТОРЯТЬСЯ** до тех пор, пока в строй начинали вставать не разогревшимися от **ВЫПОЛНЕНИЯ** этих команд, а с каким-то внутренним накалом.

В очередной раз выбравшись из многосуточного наряда, **НИКТО** решил не становиться в строй. **ЕМУ** не хотелось лишний раз почувствовать себя **МИШЕНЬЮ** для придирчивых глаз. **ОН** не хотел лишний раз видеть старшину и того, чтобы старшина **ЕГО** увидел.

«Если столько суток меня не видели в строю, пусть ещё столько же времени меня не увидят. Пусть думают, что я по-прежнему в наряде. Этого старшину видеть стало невыносимо... У меня началась какая-то аллергия на него...»

НИКТО перестал **ПОКАЗЫВАТЬСЯ** в строю. **ОН** стал ходить в столовую **ОТДЕЛЬНО** от всех. **ОН** шёл туда молча и молча возвращался. **ОН** отправлялся в столовую где-то через полчаса после того, как возвращался после «приёма пищи» строй с кричавшими песню. По времени это совпадало с тем, когда в батальон с крепости, с боевого дежурства, спускалась «смена» на «приём пищи». Если возникала угроза оказаться замеченным, то **НИКТО** в столовую не ходил. Пару раз **ЕМУ** так удавалось отвоевать **ДВА**-три дня передышки. **ОН** выбирался из казармы ещё до «подъёма» и запирался в клубе изнутри. Снаружи на дверях клуба оставался висеть замок, на котором эти двери как-будто были заперты. И в клубе как-будто никого не было. Бывало и так, что за **ЦЕЛЫЙ** день **НИКТО** только один раз мог позволить себе пойти в столовую. Когда **ЕГО** отсутствие в строю было замечено, и **ЕМУ** передали, что командир роты «**СВЯЗЬ**» **ЕГО** искал.

– Ты почему утром на разводе не был?! – с **ПРАВИЛЬНОЙ** строгостью спросил этот командир, когда **НИКТО** подошёл к нему. Для **НИКТО** **ЛЕГЧЕ** было промолчать. О чём **ОН** мог говорить говорившему на другом, на **ПРАВИЛЬНОМ**, языке? – В наряд пойдёшь!! – этот старший лейтенант сам же **ВТЯНУЛСЯ** в **ПУСТОТУ**, которую оставил после своего вопроса.

«Подумаешь, новость!... Вот только не по роте. Видеть вас всех не могу...»

ДВОЕ суток **НИКТО** пропадал в наряде. Потом опять **ДВА** дня **ОН НЕ ПОКАЗЫВАЛСЯ** в строю. Заподозрив, что **ЕГО** **ОТСУТСТВИЕ** снова было замечено, **ОН** сам себя поставил в наряд по столовой. Когда в следующий раз **НИКТО** сам себя поставил в наряд, в столовой на многосуточном наряде уже находился один из таких как **ОН**. **НИКТО** сказал ему, чтобы он уходил, что **ОН** будет вместо него в наряде. А тот чего-то опасаясь, всё как-то медлил с уходом. Тут неожиданно появился старшина. – Ты что здесь **ДЕЛАЕШЬ**? – Я в наряде, – ответил **НИКТО**. – А он? – А он пусть уходит. Я буду вместо него. – Его назначили, а ты почему здесь находишься? – А я сам себя в наряд назначил. – Уходи отсюда. Он будет в наряде. – Я не уйду. – Я тебя накажу. – Нечего меня наказывать: я уже сам себя наказал раз здесь уже нахожусь. Старшина **НЕ ПЕРЕТЯНУЛ**, и **НИКТО** остался в наряде вместе с тем несчастным. На следующие сутки **НИКТО** один остался в наряде. Несмотря на то, что **НИКТО** было **ЛЕГЧЕ** в наряде по столовой, всё равно, **ЕМУ** всё труднее становилось **ДОТЯГИВАТЬ** до конца этих многосуточных нарядов. Ощущение какой-то внутренней подорванности продолжало расти, и **ЕМУ** всё труднее становилось собираться с таявшими силами, с которыми приходилось идти каждый раз как на очередной штурм. **ЕГО** всё сильнее начинала злить неубранная посуда со столом. **ОН** решил останавливать кого-то, кто мог выйти из столовой только после того, как уберёт посуду за собой. Утром, после завтрака, **ОН** немного задержался и никого не застал там, где «принимали пищу», где вся посуда осталась неубранной на столах. **ЕМУ** самому пришлось её убирать, что ещё больше **ЕГО** разозлило. После обеда **ОН** остановил одного из тех, кто выходил в числе последних из столовой. Им оказался один «молодой», который стал отказываться убирать посуду. И это как-то сильно задело одного «деда», который уже сам стал добиваться того, чтобы посуда была убрана. А «молодой» продолжал упрямяться, что только больше начало злить этого «деда», который был с ним из одной «смены». И «дед» сорвался. Столы и скамьи оказались перевернутыми, а посуда разбросанной по полу, на котором после «молодого»

осталась лужица крови. Другой «молодой», случайно оказавшись свидетелем произошедшего, был напуган настолько, что его сразу «припахал» повар. Этот «молодой» вымыл **КРУГОМ** полы и даже стены из кафеля. **НИКТО** почувствовал себя отвратительно после всего произошедшего, ведь это **ОН** как положил всему этому начало. И **ЕМУ** было **НЕ ЛЕГЧЕ** от того, что этот другой «молодой» послушно, по воле повара, **СДЕЛАЛ** часть и **ЕГО** работы. Но через день **НИКТО** остановил ещё одного из выходивших: – Выйдешь тогда, когда уберёшь посуду. – Да ты, сынок! Кому ты это говоришь?!

«Это «дед»?! ... А-а... Он думает, что своё он уже «отпахал»...

– Ты это кому сказал «сынок»? – Тебе! – Значит, мне? И **НИКТО** тыльной стороной кулака левой руки нанёс **КРУГОВОЙ** удар «деду» по щеке наотмашь, сильно и безжалостно. Удар получился такой сильный, что голову «деда» развернуло от него. «Дед», зашатавшись, всё же сумел **СДЕЛАТЬ** шаг вперёд и нанести **ДВА** удара по воздуху перед собой. **НИКТО**, отступив немного назад, двинулся затем навстречу и стал срывать зло, доходя чуть ли не до белого каления. «Дед» не выдержал такого натиска, повернулся и бросился было бежать, но **НИКТО** вцепился левой рукой в его одежду на спине и, **ПОТЯНУВ** на себя, подставил подножку. «Дед» споткнулся и упал на спину. Затем он быстро развернулся на живот, собираясь подняться, но **НИКТО** обхватил левой рукой его шею и стал бить этого «деда», оказавшегося на четвереньках перед **НИМ**. « Отпусти!!... Отпусти! А то ху-же... бу-дет!...» – чуть не плача от обиды, потребовал «дед». **НИКТО** ещё пару раз ударил его по спине и отпустил. Когда «дед» поднялся, у него изо рта сочилась кровь. **НИКТО** собрал на полу пуговицы, которые оторвались тогда, когда **ОН ПОТЯНУЛ** его сзади за одежду, и **ПРОТЯНУЛ** их на ладони. «Дед» в ответ **ПРОТЯНУЛ** свою открытую ладонь, и **НИКТО** высыпал ему на неё пуговицы. И тот ушёл. **НИКТО** как разрядил душившую **ЕГО** злобу. **ОН** опять сам всё убрал. На душе **ЕГО** было черным-черно. В следующий раз один попавшийся «молодой» не стал воткрытую противиться и собирался было потихоньку улизнуть. **НИКТО** вовремя преградил ему дорогу, выход из столовой. – Ты это куда? – А чёрт его знает?! – **НЕПОНЯТНО** чему улыбаясь, ответил тот, как продолжая ускользать. И тут сильный удар сорвался по его челюсти. У **НИКТО** это получилось как само собой. От удара тот упал в угол между **ДВУХ** стен. **НИКТО** уже не хотел мешать ему уйти, но тут повар стал заставлять подбитого «молодого» мыть и убирать. Опять **НИКТО** от всего происшедшего почувствовал себя просто отвратительно. На том месте, куда **ОН** ударил, так сильно распухло и посинело, что там словно вырос **ВТОРОЙ** подбородок. На это место было страшно и больно смотреть. «Молодой» всё послушно **СДЕЛАЛ**. И от этого **НИКТО** было **НЕ ЛЕГЧЕ**. Как-то **НЕПОНЯТНО** быстро всем в части стало известно о том, что кто это так сумел подбить этого «молодого». Командир роты «**СВЯЗЬ**» вызвал **НИКТО** к себе. – Пиши «объяснительную»! **НИКТО** молчал и не собирался **НИЧЕГО** писать, не желая даже этим как продолжать задерживаться в произошедшем. **ОН** вернулся в столовую. – Ты зачем его трогал? Разве ты не знал, что он стукач? – участливо поинтересовался у **НЕГО** один сержант. **НИКТО** промолчал. **ЕМУ** было настолько невыносимо гадко, что **ЕМУ** не хотелось кому-то что-то ещё пытаться объяснять. Когда через полчаса к **НЕМУ** в столовую подошёл тот «молодой», и **ЕМУ** пришлось отводить глаза, чтобы не видеть выросшего от **ЕГО** удара **ВТОРОГО**, бокового, подбородка. – Все говорят, что я настучал. Но я **НИЧЕГО** никому не говорил. Это кто-то другой. Ты так про меня не думай. – Я так не думаю... что это ты... – Ты **НИЧЕГО** не пиши. Я уже сам написал «объяснительную», что шваброй так ударился. Я не стучал. Это кто-то другой. После произошедшего, через несколько дней, **НИКТО** отправили **ПОДАЛЬШЕ** от этого батальона, в **ПУСТЫНЮ** Кара-кумы, в расположенную у самой границы с Афганистаном «точку». **ЕМУ** там стало **ЛЕГЧЕ** и немного поспокойнее. Через **ДВА** месяца **НИКТО** вернулся обратно в батальон, чтобы в городской больнице вылечить зубы. Весенний приказ об увольнении в запас отслуживших **ДВА** года уже был подписан, так что и **НИКТО** мог уже считаться «дедом». И уже на **ВТОРОЙ** день **ЕМУ** стало известно,

что ЕГО поставили в наряд по столовой. ЕГО это так возмутило, что ОН решил позвонить начальнику штаба, чтобы узнать по какой причине ЕГО уже на **ВТОРОЙ** день назначили в наряд. – Товарищ майор!! Почему меня в наряд поставили?! Я приехал сюда зубы лечить или в наряды ходить? – Ты в столовую ходишь? – спросил спокойным голосом майор. – Да. – Ты посудой пользуешься? – Да. – А мыть её кто-то должен? Всё было **ПРАВИЛЬНО** в словах майора, но память вызвала огромную волну всего того, что накопело в НЁМ, и эта волна подкатила к горлу подобно огромной толпе, которая бросилась к узким дверям. И **НИЧЕГО** в ответ майору НИКТО выпалить не смог.

«А что ему скажешь в **ДВУХ** словах?…»

– Понятно... – выдавил из себя НИКТО после возникшей паузы и закончил разговор. Этот наряд длился всего сутки и оказался самым последним для НИКТО. НИКТО не раз обращал внимание на то, что не только у НЕГО в горле могла застрять **ЦЕЛАЯ КУЧА** слов. На послеобеденном разводе начальник штаба **СДЕЛАЛ** замечание одному «деду», поднимавшемуся на «смену»:

– Товарищ солдат! **ПОДТЯНИТЕ** ремень.

«Дед» даже не пошевелился, но горло у него сдавилось от какой-то подкатившей к нему волны, и глаза загорелись ненавистью. – Товарищ рядовой! Я к Вам обращаюсь... **ВЫПОЛНИЙТЕ!**... **ДВА** наряда вне очереди!... Отвечайте!... – Есть... **ДВА** наряда... – «дед» **СДЕЛАЛ** над собой усилие и сумел вытолкнуть через сжатое горло клубок из нескольких слов. Майор **ПОТЯНУЛСЯ** к бляхе ремня рядового, чтобы помочь «деду» **ВЫПОЛНИТЬ** его требование. – Снимите ремень... Вот так... А теперь **ПОДТЯНИТЕ**... Теперь можете надевать. Для «дембелей», рвавшихся домой, последние дни, были особенно мучительными: одной ногой они были уже как на свободе, а **ВТОРОЙ** всё так же оставались в армии. За эту **ВТОРУЮ** ногу их старались так крепко держать, чтобы напоследок выжать из них всё, что ещё в них оставалось. И число этих последних дней, как **ПРАВИЛО**, росло. НИКТО по своему внутреннему состоянию стал намного ближе к «дембелям». На этот раз подходило время расставаться с ними, чтобы оставить себе **ДВЕ** трети от горечи расставания. НИКТО с одним «дембелем» стал **ДЕЛАТЬ** одну «дембельскую» работу“. ОН помогал вырезать буквы на покрашенной стороне стекол. Нужно было срезать слой тёмной краски со стекла, чтобы с другой стороны можно было прочесть „штаб“, или „солдатская столовая“, или „рота материального обеспечения. Слова вырезали зеркально, чтобы затем на эту покрашенную сторону стекла нанести слой светлой краски. Когда они сидели за работой, подошёл старшина. Он словно поспешил прийти и **ПОДЕЛИТЬСЯ** какой-то поразившей его новостью. Он находился в штабе и узнал, что все командиры рот отказались принимать НИКТО в подчинённые им подразделения, чтобы не нести за НЕГО ответственности.

«**НИЧЕГО** себе новости... Неужели это я такое чудовище?…»

Старшина сказал, что он отважился взять ответственность за НИКТО на себя. Раз все командиры отказались от НИКТО, то ОН, получалось, уже не относился ни к одной из рот. У НЕГО не было даже кровати ни в одной из рот. ЕГО перестали назначать в наряды. Разве ЕМУ стало хуже от этого? ОН и «дембель» ложились спать **ОТДЕЛЬНО** от всех в той комнате, где работали. Когда этот «дембель» уехал домой, НИКТО уже один спал от всех **ОТДЕЛЬНО** в этой комнате. ОН раньше остальных из ЕГО призыва, на полгода, досрочно, стал «дембелем». Прежде НИКТО не понимал того, что иной раз так начинало злить «дедов», раздражать их. Когда весной в часть стали прибывать прибывать «молодые» из очередного призыва, ОН стал замечать за собой ту самую раздражительность, которую прежде замечал у других. НИКТО и тот «дембель», с которым ОН работал, вместе садились за один стол в столовой. Вечером они, как обычно, сели крайними за стол, напротив друг к другу, и совсем понемногу положили себе в миски уже давно поднадоевшей им пшённой каши. Когда-то НИКТО думал, что прослужившие полтора-**ДВА** года больше для какой-то **ПОКАЗУХИ** так мало накладывали

себе этой каши. Рядом с «дембелем» сидел недавно прибывший «молодой», который наложил себе ПОЛНУЮ миску и стал эту кашу ПОЛНЫМИ ложками отправлять в свой жадно открывавшийся рот. И когда он начинал жевать, его щёки как-то чересчур сильно распирались от набитой в рот каши. Этот «молодой» **ОПУСТОШИЛ ПОЛНУЮ** миску каши, затем, как не собираясь обращать ни на кого совершенно никакого внимания, принялся **ДЕЛОВИТО** накладывать **ВТОРУЮ ПОЛНУЮ** миску каши. Он стал ложкой выскребывать всё, что осталось в алюминиевом бочке, с таким чрезмерным усердием, при котором никак не могло получиться, чтобы не постукивать при этом по бочку. И его как **НИЧЕГО** не сдерживало, не стесняло. Вёл он себя как-то раскованно. **НИКТО** почувствовал, как сильно ЕГО этот «молодой» стал раздражать. **ОН** постарался сдерживать себя. **ОН** стал отводить глаза в сторону, чтобы не видеть того, что как этот «молодой» ел: кто знает, может, он настолько сильно проголодался, что для него очень важным было успеть как можно больше набить этой кашей свой живот. – Пойду. Ещё один кусок хлеба возьму, – сказал «дембель», съевший хлеба больше, чем каши. Каши он съел ложки три. – Не ходи. На возьми. Мне больше не хочется, – сказал **НИКТО**, отодвинув от себя к «дембелю» по краю стола горбушку свежего белого хлеба. «Молодой» ел с каким-то самозабвением. Он **ОПУСТОШАЛ ВТОРУЮ** миску с кашей, **ПОЛНОСТЬЮ** «отключившись». И «включился» он, когда у него кончился хлеб, как раз к тому времени, когда **НИКТО** отодвинул от себя горбушку хлеба. Он взял и нагло **ПРОТЯНУЛ** руку перед «дембелем» к краю стола, схватил эту самую горбушку хлеба и стал жадно от неё откусывать. «Дембель» даже не успел взять её. Для **НИКТО** это уже было слишком. **ОН** едва сдерживал прорывавшуюся в НЁМ и разгоревшуюся всё сильнее злость. Она выводила ЕГО из равновесия. И чем больше **ОН** старался себя сдерживать, тем только больше она в НЁМ разгоралась. За столом никто **НИЧЕГО** этому «молодому» не сказал. Когда прозвучала команда выходить строиться, **НИКТО** постарался поскорее выйти из столовой из-за ставшей душить ЕГО злобы, которая требовала разрядиться. Этот «молодой» одним из последних **ПОКАЗАЛСЯ** из столовой. Его пришлось ещё и дожидаться. – Эй, ты! – не выдержал **НИКТО**. – Ты как себя за столом ведёшь?! И с вырвавшимися у НЕГО этими словами сорвался удар кулаком. Верхняя губа «молодого» лопнула, и потекла кровь.

«Вот чёрт!... Не одно, так другое»

– Иди в посудомойку и умойся там! – Не-ет... Не нуж-но... – вытирая кровь рукой, промямлил «молодой». У него как-то сразу погасли глаза.

«Вообще-то, так и ему и надо. По всему видно, что эта тварь себя ещё **ПОКАЖЕТ**, когда она сама станет „дедом“...»

НИКТО замечал как ЕГО начинало злиться, когда «молодые» старались уклоняться от работы, чтобы **ОБЛЕГЧИТЬ** себе жизнь. **ОН** всё же старался держаться в стороне от происходящего. Заметно было как «дедов» особенно злили **НАУЧЕННЫЕ** «молодые», и те, кто явно **НЕ ТЯНУЛИ** на тех, какими себя старались **ПОКАЗЫВАТЬ**, те, в ком не было **НИЧЕГО**, кроме слепого упрямства. **ДВОЕ** «молодых» открыто отказывались что-либо **ДЕЛАТЬ**. Начальник штаба стал грозить им судом. И ещё один упрямо отказывался **ДЕЛАТЬ** уборку. Разозлившийся «дед» -сержант стал выбивать это упрямство кулаком так, что от его удара по голове лопнула на ней кожа и потекла кровь. «Молодого» отправили в больницу. **НИКТО** услышал, как о случившемся доложили начальнику штаба. «Пускай...» – сказал майор и добавил.-«Если так **ДАЛЬШЕ** пойдёт, то никто работать не будет.» И сержанту **НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЛИ**.

Когда год назад **НИКТО** находился в командировке, в Янгиюле, там ЕМУ пришлось с одним «дембелем» рисовать в одном детском саду. В этом детский сад как не могли взять ребёнка одного лейтенанта, потому что там как никакого места для него не было. Но это место нашлось в ответ на обещание что-то там у них нарисовать. Заведующая этого детского сада, в котором места для одного ребёнка не было, а потом оно всё же нашлось, стала спраши-

вать. – Вот **КРУГОМ** пишут, говорят про «дедовщину» в армии... Зачем вы молодых ребят бьёте, обижаете? – В армии-то как? Не можешь – **НАУЧИМ**, не хочешь – заставим. «Молодые» сейчас **НИЧЕГО** не хотят **ДЕЛАТЬ**. А кто работать будет? Вот и приходится бить их, чтобы силой заставить, – ответил «дембель». Разве это всё? Он **НИЧЕГО** не пропустил? Одного «деда» на «точке», на самой границе, видимо, сильно стал раздражать один «молодой», который прибыл на место уволившись в запас фельдшера и не желал заниматься уборкой по утрам. По всей видимости, он считал, что это не его **ДЕЛО**. И этот «молодой» рано утром взял и провёл по шее спавшего «деда» лезвием от бритвы, затем, испугавшись того, что **СДЕЛАЛ**, бросился бежать на позицию к оперативному-дежурному, где стал в истерике кричать, что он совершил убийство в казарме. А «дед», возможно он был разбужен топотом удалявшихся чьих-то шагов, встал с кровати и пошёл посмотреть сколько времени на часах. И когда он поднял голову к висевшим на стене под самым потолком и над выходом из казармы часам, то слипшиеся края **СДЕЛАННОГО** надреза на шее раскрылись, и хлынула кровь. «Деда» едва успели спасти. Его сначала отвезли на машине к пограничникам. Затем его привезли в Керки. А «молодого» укрыли от расправы над ним и отправили служить в какое-то другое место. В батальон из той бригады, в которой проработавшие четыре месяца на стройке вместо обещанных отпусков, оказались загнанными в многосуточный наряд по столовой, поспешили приехать разные начальники, которые сразу стали обвинять во всём произошедшем «деда», которого обещали отдать под суд. И **ПОВТОРЯЛИ** они своё обещание раз за разом словно лишь для того, чтобы не осталось никого, кто бы не поверил в это обещание. Но «деда» не судили, как и того, кто **СДЕЛАЛ** ему надрез на шее. Зачем им было нужно лишний раз **ПОКАЗЫВАТЬ** то, что творилось в армии? У этого «деда», пролежавшего в больнице, та сторона лица, правая, с которой у него на шее был нанесён порез, уже не потела под жарким туркменским солнцем тогда, когда на другой стороне лица выступали крупные капли пота. И правый его глаз стал несколько меньше левого. Но этим всё ещё не закончилось. Где-то через месяц после произошедшего одно расчётливое **НИЧТОЖЕСТВО**, прослужившее год, утром, где-то за полчаса до «подъёма», зашло в «спальное помещение» казармы, побывав сначала в столовой, чтобы взять там большой кухонный нож, и замахнулось им, целясь опять в шею этого же «деда», спавшего в кровати. Трудновато оказалось для этого **НИЧТОЖЕСТВА** точно направить в цель остриё длинного лезвия ножа. В **ПЕРВЫЙ** раз остриё, порезав щёку «деду», вонзилось в подушку. «Дед» проснулся и закричал в ужасе, когда увидел над собой занесённый нож для **ПОВТОРНОГО** удара. Острие ножа на этот раз вонзилось в шею рядом с углом челюсти. Опять «деда» едва успели спасти. А это **НИЧТОЖЕСТВО**, у которого довольно заблестели глаза, опять поспешили укрыть от расправы и отправили в какую-то другую часть. Опять в батальон поспешили начальники из Душанбе, чтобы **ПОВТОРЯТЬ**, что этого «деда» будут судить. И **ПОВТОРЯЛИ** они это столько раз, сколько может хватить на то, чтобы в это все могли поверить. А «деду» необходимо стало **СДЕЛАТЬ ПОВТОРНУЮ** операцию, иначе для его жизни оставалась серьёзная опасность.

Хоть **НИКТО** и был избавлен от гнёта нарядов, но **ОН** же, всё равно, оставался там, где пережитое им вновь и вновь оживало в **ЕГО** памяти от происходившего **ВОКРУГ**, от **ПОВТОРЯВШЕГОСЯ ВОКРУГ**. **ОН** чувствовал в себе какую-то свинцовую тяжесть, которая **ЛЕГКО** выводила **ЕГО** из равновесия и которая не могла не продолжать увеличиваться. Череп всё чаще стал наливаться пульсирующей болью. Болел лоб. Давило в висках. Стоило **ЕМУ** провести рукой по голове, и что-то многовато оставалось на ладони после этого выпавших волос. Один старший лейтенант, недавно прибывший в батальон для прохождения службы, решил себя как-то проявить с **ПЕРВЫХ** же дней. Прикрытый щитом самодовольства он зашёл в клуб и распорядился чуть ли немедленно взять и **СДЕЛАТЬ** таблички с надписями для дверей роты «**СВЯЗЬ**». Никому до него, где-то в течение года и даже больше, **СДЕЛАТЬ** это не нужно было.

«Не успел приехать, а уже старается себя **ПОКАЗАТЬ**...»

НИКТО, из-за тяжести висевшей в НЁМ, чувствовал как взваливал на себя не только вес каждой работы, которой ЕГО нагружали, но и вес всей толщи времени, за которую эту работу можно было **СДЕЛАТЬ**. До тех пор пока работа оставалась **НЕВЫПОЛНЕННОЙ**, она продолжала как висеть в НЁМ. Вес чего-то даже очень **ЛЁГКОГО**, если долго держать на **ВЫТЯНУТОЙ** руке, становиться может только всё невыносимее. Поэтому НИКТО старался поскорее всё заканчивать, чтобы избавить себя от лишнего веса, который, чем дольше оставался, тем становился всё невыносимее. – Осталось полчаса до обеда. Табличками я займусь сразу после обеда. А до обеда я как раз успею закончить одну работу. – Нет! Ты сейчас же **СДЕЛАЕШЬ** то, что я тебе приказал **СДЕЛАТЬ**, – заявил этот старший лейтенант, чем оставил навесу незаконченную работу и добавил вес новой. НИКТО почувствовал, как кровь застучала у НЕГО в висках. – Я до обеда всё равно не успею **СДЕЛАТЬ** эти таблички... – сказал НИКТО, стараясь сдерживать себя и говорить спокойно. – Начальник штаба приказал!! Я прихожу через **ДВАДЦАТЬ** минут, и чтобы они были готовы!

«Причём здесь начальник штаба?! Какие **ДВАДЦАТЬ** минут?! Эта тварь сама когда-нибудь **ДЕЛАЛА** эти таблички за **ДВАДЦАТЬ** минут?!»

Воображение НИКТО **ПОТЯНУЛО** ЕГО в ту сторону, где перед ЕГО мысленным взором стало проноситься то, как ОН взялся быстро-быстро **ДЕЛАТЬ** эти таблички, чтобы успеть их **СДЕЛАТЬ** за **ДВАДЦАТЬ** минут, чтобы уложиться в этот немислимо короткий отрезок времени, как ОН начинает торопиться там, где спешка неуместна, где она только начинает всё портить, портить что-то уже **СДЕЛАННОЕ**, как всё приходится начинать сначала, как время оказывается потраченным **ВПУСТУЮ** и его остаётся всё меньше, как то, что необходимо **СДЕЛАТЬ**, продолжает в НЁМ висеть, и вес этого только продолжает расти. НИКТО почувствовал растущее в НЁМ напряжение от затраченных **ИМ ВПУСТУЮ** времени и сил и оставленный и продолжавший давить вес **НЕДОДЕЛАННОЙ** работы, растущий вес того, за что нужно было приниматься и всю ту толщу времени, в течение которого груз этой работы будет давить на НЕГО. ОН почувствовал, что не выдерживает такого издевательства над самим собой, что ещё немного, и ОН готов будет уже взорваться. – Я начну их **ДЕЛАТЬ** после обеда, – ответил НИКТО, продолжая внутренне накаляться яростью, которую, если бы она прорвалась, уже было не остановить. ОН старался её сдерживать. – Я прихожу через **ДВАДЦАТЬ** минут, и если не будет всё готово...

«Опять эти **ДВАДЦАТЬ** минут!! Откуда он их взял?! Что это за тварь ко мне **ПРИВЯЗАЛАСЬ**?!»

Тут уже сидевшие в омрачённой душе тени пережитого напомнили о себе. Там были и тень старшего лейтенанта, **ПРИВЯЗАВШЕГОСЯ** к НЕМУ на вокзале в Душанбе, и тень лейтенанта, приставшего к НЕМУ у вокзала в Баку, и тени им подобных. НИКТО почувствовал, как ЕГО захлестнуло горячей волной, как боль уже сильнее сдавила ЕМУ виски. – Да я **НИЧЕГО** не буду **ДЕЛАТЬ**!! – То есть как «не буду»?!! Ты у меня сядешь на пять суток!!

«Да тут с ума можно сойти в этой армии!!!»

– Да меня здесь не будет! – Как это «не будет»?!! – Я – сумашедший! Я ухожу в сумашедший дом! Лицо НИКТО пылало, а сердце колотилось от безудержного гнева. – Ты у меня сядешь!! – Как это я сяду, если меня здесь уже не будет?!! Я – сумашедший!!! —закричал НИКТО. И в ЕГО надрывавшемся голосе было столько злобы и звериной ярости, что старший лейтенант переменялся в лице, как-то растерялся, повернулся и поспешил уйти.

«Куда это он поспешил? Наговорить кому-то про меня и продолжить ход этого дурдома **ДАЛЬШЕ**?»

– **НИ-ЧЕ-ГО** себе... Как это тут у вас с офицерами разговаривают... – проговорил один из **ДВУХ** «дембелей», которые сидели в клубе. Их поразило то, что перед ними происходило. НИКТО им был незнаком. Они приехали увольняться из другой части. НИКТО застыл там,

где стоял. ОН почувствовал себя каким-то опалённым. ОН как давал себе остыть после разгоревшейся в НЁМ ярости. Потом ОН глубоко вздохнул, и почувствовал, как у НЕГО мучительно заныла грудь, и направился к выходу. У НЕГО сильно стали болеть виски и лоб. Рядом со штабом ОН заметил стоявшего прапорщика из санчасти и направился к нему. – Товарищ прапорщик, мне нужно в сумашедший дом. – Зачем?! – удивился тот. – Сколько можно всё это терпеть?! С ума же можно сойти! У меня лоб болит! Волосы выпадают! В последнее время постоянно в висках болит! – сказал НИКТО и нервно нажал пальцами с **ДВУХ** сторон, **ПОКАЗЫВАЯ** давившую на них боль. – Хорошо. После обеда вместе сходим. После обеда выяснилось, что они пошли не в сумашедший дом, а в больницу. Врач выслушал НИКТО, проверил кое-что и сказал, что у НЕГО нет никаких нарушений, что ОН просто сильно переутомлён, что ОН сильно устал, что ЕМУ нужен покой.

«Покой?... Какой покой?! Когда это в армии можно будет оставаться в покое?... Сумею я дотерпеть до конца или нет? Совсем немного осталось...»

«Деда» становились большей частью какими-то взрывоопасными, поэтому их и старались лишней раз не трогать. Поэтому «молодые», в основном, и несли бремя нарядов, каждодневных уборок и чисток, что самих уже **ДЕЛАЛО** взрывоопасными за полгода до окончания **ДВУХЛЕТНЕГО** срока службы. НИКТО после окончания школы почувствовал какую-то подорванность и усталость. А в армии ОН устал раньше других. Поэтому последние полгода ОН находился в положении не «деда», а «дембеля». В наряды ОН не ходил, ходил за почтой, за фильмами в кинопрокат, **ВЫПОЛНЯЛ ОТДЕЛЬНЫЕ** работы. На утренних зарядках ОН перестал появляться ещё раньше, потому что они сил ЕМУ несколько не прибавляли, а только отнимали их. На построениях ОН был как сам по себе, стоял в самом конце строя и **ОТДЕЛЬНО**, как какой-то прикомандированный, как не принадлежавший личному составу этой части. Была уже середина августа, когда ОН обратил внимание на то, что волосы на голове стали выпадать сильнее. ЕГО стало тревожить то, что так ОН может и облысеть. Когда ОН постригся покороче, то заметил, что выпадавших волос стало только больше.

«Надо подстричься под „**НОЛЬ**“...»

ОН сбрил волосы тогда, когда у «дедов» они стали уже отрастать. По сложившейся традиции за сто дней до приказа «деды» постриглись наголо около **ДВУХ** месяцев назад. НИКТО не собирался стричься, не собирался следовать этой традиции, но и ЕМУ всё же пришлось постричься наголо.

«Значит, не случайно появилась эта традиция...»

Командир батальона, как какой-то стопроцентный борец с проявлениями «дедовщины», стал угрожать посадить на гаупвахту всех, кто посмеет постричься наголо за сто дней до приказа. Несмотря на его угрозы, все «деды» постриглись наголо. Только НИКТО не постригся. И некоторые как за такой союз с чем-то преступным оказались в нарядах. В роте «**УЗЕЛ**» разрешили купить старый телевизор, который стал доставлять больше тревог и неприятностей, чем какой-то радости собравшим деньги на его приобретение. Смотревшие его оставались в постоянном напряжении из-за опасений, что кто-то **ПРАВИЛЬНЫЙ** зайдёт и увидит их такое вот **БЕЗДЕЛЬЕ**. Как-то вечером старший сержант этой роты, который дослужился до заместителя старшины, стал звать НИКТО посмотреть один фильм. НИКТО отказывался. По выходным в клубе **ПОКАЗЫВАЛИ** фильмы, и НИКТО замечал, что отвлекался происшедшим на экране настолько, что совершенно забывал про то, что где продолжал находиться. Когда фильм заканчивался, возвращение в реальность для НЕГО становилось каким-то болезненным ударом. И НИКТО не хотелось получать такие удары лишней раз. ОН не хотел лишней раз **ПОВТОРЯТЬ** такие возвращения туда, откуда всей душой стремился вырваться. Но старший сержант звал ЕГО и звал, уверяя, что сам дежурный по части разрешил смотреть телевизор после «отбоя». Хоть НИКТО и не хотел ещё одного болезненного возвращения в реальность, но ОН ведь каждое утро после сна возвращался к ней, и ОН всё же усту-

пил. ОН помнил о том времени, когда-то относился к этой роте, когда этот старший сержант тоже пропадал раз за разом в многосуточных нарядах, когда был ещё рядовым, помнил о том, что он даже ходил в штаб, чтобы там ему сказали о причине того, что он так часто попадает в наряды. А что там ему могли сказать? «Людей не хватает»? Память об этом помогла ЕМУ уступить. А один прапорщик из этой роты, дежуривший в эти сутки по столовой, вместо того, чтобы попробовать выгонять белых и жёлтеньких червячков и чёрненьких жучков, чтобы они исчезли из ПЕРВОГО и ВТОРОГО, решил **ПОКАЗАТЬ** свою **ПРАВИЛЬНОСТЬ** как раз в это время. Он взял и заявился в казарму, чтобы повыгонять всех посторонних, всех тех, кто относился к **ДВУМ** соседним ротам, всем кому тоже могло захотеться посмотреть телевизор. Это же **ЛЕГЧЕ** ему было **СДЕЛАТЬ**. И несколько человек направились к выходу. – А ты, что здесь **ДЕЛАЕШЬ**? – спросил этот прапорщик **НИКТО** так, словно такие как ОН, тем более не могли заходить в эту роту, словно ОН был каким-то худшим из худших. – **НИЧЕГО**, – ответил **НИКТО** на ходу. – Уходи отсюда! – Я уйду. – Не смей здесь появляться! **НИКТО**, когда вышел наружу, опять присел на ту скамью, которая находилась рядом с казармой, чтобы понежиться в ночной прохладе. Прапорщик ушёл в столовую. – Пошли. Сейчас фильм начнётся, – старший сержант опять стал звать **ЕГО**, присев рядом с **НИМ** на эту скамью. – Нет. Не нужно. Сейчас этот гад опять появиться. – Пойдём. Он больше не придёт. – Придёт. – Да не придёт он! Пошли! Те «деды», которым пришлось выходить из этой роты, стали опять в неё заходить и **НИКТО ПОТЯНУЛИ** за собой. Прапорщик вскоре опять появился, назвал «козлами» тех, кого снова стал выгонять. У одного **НИКТО** блестела выбритая кожа головы, которую освещал экран телевизора в тёмном помещении казармы. ОН опять выходил последним. – Опять ты здесь! – Я уйду. – Я тебе, что говорил? – Я уйду. Один несчастный телевизор есть, и смотреть его, как одно сплошное издевательство над собой. – Что ты сказал? **НИКТО** уже выходил наружу, когда получил из-за спины пощёчину. ОН развернулся. – А ну как, иди сюда! – сказал прапорщик, хватаясь при этом за локоть правой руки **НИКТО ДВУМЯ** руками, чтобы **ВТЯНУТЬ** **ЕГО** назад. Затем он тут же **ДВА** раза ударил **ЕГО** кулаком по лицу. Может, этот прапорщик получил вдохновение от того, что, как он совсем недавно позволил себе с одним расправиться? **НИКТО** взрывом ответных ударов взял и сильно потеснил прапорщика, чьё положение спасли забежавшие «деды». **НИКТО** остался стоять у дверей, когда **ЕГО** оттащили от прапорщика. А прапорщик почувствовал, что **НЕ ТЯНЕТ** на то, чтобы одними кулаками попытаться одолеть **ЕГО**, и с заметавшимся взглядом стал искать что-то подходящее, что можно было схватить и чем можно было ударить. Он **ПОТЯНУЛСЯ** к граблям, стоявшим в углу с лопатами и мётлами. **НИКТО** был готов к удару, но как-то **ЛЕГКО** ЕМУ удалось оказаться за дверьми на крыльце. От удара по двери на уровне **ЕГО** головы грабли сломались. Прапорщик с одним уже черенком в руках бросился к **НИКТО**. А ОН спокойно хлопнул дверью прямо перед самым носом прапорщика, спрыгнул с крыльца, сбросил тапочки и босиком побежал в тёмную глубину части. – Я тебя всё равно поймаю! – крикнул ЕМУ остановившийся прапорщик. – Не поймаете! – Я с тобой всё равно **РАЗДЕЛАЮСЬ**! – Сначала найдите!... Товарищ прапорщик! Вы – не человек! **НИКТО** ещё больше углубился в темноту, где решил немного подождать, пока всё остынет. Издали, из темноты, ОН стал наблюдать за освещённым местом у входа в роту материального обеспечения, где «деды» собрались на крыльце. Оттуда один из них направился в сторону **НИКТО** и стал звать **ЕГО** пойти с ним. – Пошли. – Куда? – Пошли. Посидим на крыльце. – Нет. Не нужно. – Пошли. Не бойся. – Я не боюсь. Просто не нужно **ДЕЛАТЬ** продолжение. – Пошли. Если он попробует тебе хоть слово сказать – мы его так **ОТДЕЛАЕМ**, что не обрадуется. Пусть убирается в свою столовую. Я могу всю ночь просидеть на крыльце. Это никого не касается. Я на «отбой» отправился и по «подъёму» буду стоять в строю. А в это время могу спать, могу и не спать, – сказал «дед» из Новосибирска. – Нет. Я не хочу продолжения. Иди один. Этот «дед» вернулся на крыльцо к оставшимся там. Через несколько минут снова появился прапорщик и направился в их сторону, по всей види-

мости, с намерением продолжать наводить порядок, с намерением всех там разогнать. Но находившиеся на крыльце как с какой-то угрозой ему что-то ответили, и один из них даже встал как с готовностью осуществить сказанное на **ДЕЛЕ**. Никто с крыльца не ушёл. Этому прапорщику самому пришлось убираться. Утром **НИКТО** рассказали о том, как подошедшему и раскричавшемуся прапорщику, который, видимо, решил, что произошедшее только ещё больше давало ему право продолжать давать разгон «дедам», взяли и сказали, что если ему мало, то ему могут ещё добавить, и хорошо добавить, что он ещё и за «козлов» может ответить. И, видимо, прапорщик почувствовал, что эта угроза далеко **НЕПУСТАЯ, СДЕЛАЛСЯ** сразу мягче и счёл за лучшее самому уйти и оставить «дедов» в покое. Один «дед» стал рассказывать про то, как он испугался за **НИКТО** и как он, пригнувшись как можно ниже, чтобы ему самому не попало по голове граблями, всей своей силой вытолкнул **ЕГО** за двери.

«Так вот почему я так **ЛЕГКО** оказался за дверями...»

Тем утром **НИКТО** прошёл мимо прапорщика в столовую, а тот – **НИЧЕГО**. И после произошедшего прапорщик стал относиться к «дедам» поучтивее. В воскресенье утром к каше с противными червями никто не притронулся. Все и на этот раз как решили, что для того, чтобы позавтракать им **ВПОЛНЕ** хватит хлеба с маслом, кружки чая и **ДВУХ** сваренных вкрутую яиц. Если в прошлое воскресенье только у одного или **ДВУХ** все **ДВА** яйца оказались тухлыми, то остальным, кроме **ДВУХ**, которым как повезло и которые съели на завтрак по **ДВА** яйца, досталось по одному тухлому яйцу, то на этот раз у всех были одни тухлые варёные яйца.

«То ли эти сволочи, все из себя такие **ПРАВИЛЬНЫЕ**, решили нас кормить списанными продуктами? Деньги они **ДЕЛАЮТ**, что ли?»

«Батальон, встать! Выходи строиться!» – командовал тот самый старший сержант, который **ТЯНУЛ** **НИКТО** посмотреть телевизор. Он решил прервать такой завтрак, повести батальон к штабу и вызвать туда заместителя командира по тылу. Зампотылу появился и стал чуть ли не каждому в лицо говорить про то, что все крупы, макароны, вермишель «хорошие», что это повара такие «плохие», потому что не мыли всё это перед варкой, чтобы все поверили в то, что он наговорил.

«Макароны перед варкой нужно мыть?...И вермишель тоже? И яйца оказались тухлыми из-за того, что их повара не помыли?»

Зампотылу распорядился выдать всем «сухой паёк». Этот паёк выдали только в один этот раз, затем всё той же червивой едой продолжали кормить батальон всё так же три раза в день. «Дед» из Новосибирска **ПОДЕЛИЛСЯ** с **НИКТО**. «Против этих гадов как **НИЧЕГО** нельзя **СДЕЛАТЬ**. **НИЧЕГО** добиться не получится. Не оставаться же голодным. На **ПЕРВОЕ** смотреть даже не могу, когда на поверхности плавают так много разных червячков и жучков. Значит, остаётся только **ВТОРОЕ**. Возьму немного каши ложкой и смотрю: есть черви или нет. Если червей не видно, то ем. А если заметил червячков, то выкладываю кашу на стол.» После «приёма пищи» на столах лежали **КУЧКИ** каши. И под столами лежали эти **КУЧКИ**.

«Неужели этих **КУЧЕК** никто не замечает? И кому это приходится убирать? Для кого это лишняя работа? И что может накопиться в тех, кому приходится убирать эти **КУЧКИ**?»

Этот же «дед», который подходил к **НИКТО**, чтобы позвать **ЕГО** посидеть на крыльце после «отбоя», больше всех стал воевать со старшиной в столовой. – Батальон, встать! Выходи строиться! – командовал старшина. Одна эта команда как сразу сдувала «молодых» из-за столов. Они выглядели какими-то **ЛЕГКОВЕСНЫМИ**. Это со временем в них накопиться того, что **СДЕЛАЕТ** их потяжелее. Этот «дед» продолжал сидеть и понемногу брать ложкой рисовую кашу даже тогда, когда уже он один оставался сидеть за столом. Вокруг его миски лежали **КУЧКИ** каши. – Товарищ солдат! Была команда «выходи строиться!» – обратился к нему старшина, для которого **КУЧКИ** из каши оставались какими-то невидимыми. – А я ещё не поел! – А я вам ещё раз **ПОВТОРЯЮ**. «Была уже команда „Закончить приём пищи! Выходи строиться!“ – А я не закончил „приём пищи!“ – А я вам ещё раз **ПОВТОРЯЮ**. „Была

команда!“ – А я ещё не поел! – А я вам ещё раз **ПОВТОРЯЮ**: „Была команда!“ – Я червей есть не буду!! – А я ещё раз **ПОВТОРЯЮ**: „Выходи строиться!“ То же самое раз за разом слышал в ответ от старшины **НИКТО**, когда собирался забрать свой почти новый бушлат, когда **ЕГО** решили отправить в **ПУСТЫНЮ**. Бушлата, конечно же, уже не было. Старшина был не дурак, чтобы не продать этот бушлат. Это было почти полгода назад, когда и этого „деда“, который стал задерживаться во время „приёма пищи“ дольше всех в столовой, отправили следом за **НИКТО** туда же. **НИКТО** тогда ещё успел во время передышек, которые давал себе между нарядами, нарисовать карикатуры на некоторых на большом листе бумаги и вывесить его рядом с казармой. Об этом в части так долго помнили, что забыть этого уж не могли. Этого парня из Новосибирска отправили в **ПУСТЫНЮ**, к самой границе, за то, что он не подчинился командиру батальона, этому **ПРАВИЛЬНОМУ** борцу с „дедовщиной“, которому вздумалось „припахать“ „молодого“ на своём огороде. Этот борец с „дедовщиной“ приказал всему батальону построиться и повёл строй к туалету, к громоздкому четырёхугольному строению, которое называли внушительным словом «пентагон», где заявил, что все будут стоять до тех пор, пока тот, для кого как что-то **НЕПОНЯТНОЕ** было в том, что к **НЕМУ** может иметь какое-то отношение и огород командира батальона, не вычерпает ведром отстойник. – Я **ПЕРВОГО** не ел! **ВТОРОЕ** тоже с червями! Есть червей не буду и голодным уходить не собираюсь! А **ПРАВИЛЬНЫЙ** старшина, продолжавший не видеть всех этих **КУЧЕК** каши на столах, вспомнил о том, что сколько же минут отводиться на «приём пищи», и стал об этом говорить «деду». – Я голодным не уйду! Словесные испражнения старшины выглядели такими же червивыми, как те **КУЧКИ** каши, которые лежали на всех столах. И он только помогал «приёму пищи» больше **ЗАТЯГИВАТЬСЯ** своими словесными испражнениями, словно одной червивой еды было мало. «Молодым» для того, чтобы так сопротивляться тому же старшине, как не хватало какого-то внутреннего веса, какого-то внутреннего груза. И их за их какую-то **ЛЕГКОВЕСНОСТЬ** было **ЛЕГЧЕ** нагружать нарядами и разной работой.

И **НИКТО** напоследок тоже собирались нагрузить «дембельской» работой, но **ОН** на **ВТОРОЙ** день после приказа письменно обратился с просьбой о **ЕГО** скорейшем увольнении. **ОН** коротко написал о внутреннем своём состоянии, напомнил и о землетрясении. «Что ты до сих пор молчал?» – произнёс начальник штаба после того, когда прочитал написанное, и сразу поставил свою подпись под вышеизложенным. Ещё нужно было, чтобы и командир бригады подписал это заявление. Через пару недель и **ВТОРАЯ** подпись была уже на этом заявлении. Начальник штаба сначала сообщил **НИКТО**, что **ОН** может хоть на следующий день ехать домой, после чего стал предлагать **ЕМУ** остаться на сверхсрочную службу. – Оставайся. Станешь начальником секретной части или продсклада. – Нет. Я поеду. У меня там отец остался. Когда **НИКТО** ещё **УЧИЛСЯ** в школе, **ОН** думал, что **ДАЛЬШЕ**, когда этот отрезок **ЕГО** жизни останется позади, **ЕМУ** будет **ЛЕГЧЕ**. **ОН** ошибался. **ДАЛЬШЕ** становилось только тяжелее. **ЕМУ** хотелось, чтобы этот **ДВУХЛЕТНИЙ** армейский отрезок как можно скорее закончился. Но когда **ОН** дождался дня, который как должен был оказаться последним в этой части, никакого прилива жизненных сил, никакой радости **ОН** не почувствовал. Что-то говорило **ЕМУ** о том, что **ЕГО** плен не закончился, что что-то **ЕГО** задержит. Через час в столовой к **НЕМУ** подошёл один «дед» и сказал **ЕМУ**: – Ты, наверное, завтра не уедешь. – Почему? – Пистолеты пропали. В это день вдруг обнаружилось, что пропали **ДВА** пистолета в **ОТДЕЛЬНОЙ** роте, которая находилась в **ПУСТЫНЕ** за сто восемьдесят километров от батальона. Эта рота подчинялась этому батальону. Стало ясно, что из-за этих **ДВУХ** пистолетов «дембелям» пришлось бы уже долго дожидаться своего увольнения. Но на следующий день стало поспокойнее. Выяснилось, что полгода назад один из **ДВУХ** майский «дембелей», служивших в той **ОТДЕЛЬНОЙ** роте, не удержался и **ПОКАЗАЛ** один пистолет тому, кому оставалось ещё полгода служить, кому не хотелось ещё долго оставаться и дожидаться своего увольнения, кому очень хотелось поскорее уехать домой, кто и пошёл в штаб, чтобы назвать тех, кто мог взять эти

пистолеты. В очередной раз в этот батальон и в ту **ОТДЕЛЬНУЮ** роту понаехало начальство из бригады, чтобы выяснить, что там происходит и чего там не хватает, чтобы выяснить, что какие недостатки следовало бы устранить. И выяснилось, что в той **ОТДЕЛЬНОЙ** роте как не хватало **НИКТО**.

«Вместо того, чтобы меня отправить домой, меня ещё **ДАЛЬШЕ** от дома отправляют. **В ПУСТЫНЮ!**»

ОН чуть не взбунтовался, но, прислушавшись к своему внутреннему голосу, подчинился. В **ОТДЕЛЬНОЙ** радиолокационной роте **НИКТО** подошёл к замполиту батальона. – Товарищ капитан! Зачем меня привезли сюда? – Потерпи немного. Ты с нами сегодня же обратно поедешь. А пока **СДЕЛАЙ** то, что тебе сказали **СДЕЛАТЬ**. **НИКТО** красил снаружи, когда услышал, как внутри казармы капитан заговорил о **НЁМ** с подполковником, начальником **ПОЛИТОТДЕЛА** бригады. – Нет. Он останется. – Товарищ подполковник, но ведь командир бригады подписал, и он может ехать. – Нет! Пока он здесь вам всё **НЕ СДЕЛАЕТ**, не нарисует, не покрасит, то никуда не поедет!

«Нет?!... Всё – это сколько?! Месяц?! **ДВА** месяца? **КРУГОМ ПУСТЫНЯ!** Уехать можно на машине, которая может приехать раз или **ДВА** раза в месяц. Кузов, сам видишь, **ПОЛНЫЙ!** В кабине нет места! В следующий раз? А в следующий раз опять найдётся причина, чтобы отложить ещё на следующий раз! Так можно до самого Нового года **ТЯНУТЬ!**»

Какой-то бешенный гнев охватил **ЕГО**. **ЕГО** охватила такая неудержимая неистовая ярость, что вены на висках вздулись. Мощь внутреннего накала направила **ЕГО** прямо к вышедшему из казармы подполковнику. – Товарищ подполковник! Сколько можно резину **ТЯНУТЬ**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.